

Тонино Гуэрра, Федерико Феллини

И плывет корабль

Пер. с итал. - Ф.Двин.

ПРИМЕЧАНИЕ

"Никакой беллетристики: четкий, строгий стиль, почти что действие в чистом виде",
- сказал мне Феллини, поручая сделать литературный сценарий своего фильма. Я старался следовать этому условию - и, конечно, фактам, по возможности избегая всяческих эпитетов и собственных эмоций, которые так и рвутся наружу, когда пытаешься передать словами художественное произведение, построенное на изобразительном материале. Во всяком случае, я сознавал, что тут надо не делиться с читателем впечатлениями от фильма сделать это просто невысказано без экрана, - а дать точное описание картины всем, кто любит кинематограф Феллини и кто, в общем-то, знает, что между первоначальным сюжетом и готовым произведением

лежит зона творческой работы, которая по-настоящему и в полной мере осуществляется только на съемочной площадке.

1. ПОРТ В НЕАПОЛЕ. РАННЕЕ УТРО

Музыка, титры

Вначале идут черно-белые кадры, как в картинах, извлеченных из киноархива, непрофессионально снятых и плохо отпечатанных, с попорченной от времени пленкой.

Но постепенно изображение стабилизируется, приобретая цвет сепии, цвет фотокарточек начала века, которые печатали еще с пластинок.

Вся начальная немая сцена проходит под стрекотание старинного киноаппарата.

На пристани толкотня: простой люд, торговцы рыбой, ватаги орущих мальчишек, зеваки в котелках, старающиеся попасть в объектив кинокамеры.

Утро только занялось, и в его неверном свете все ждут чего-то необыкновенного. Атмосфера почти праздничная.

Но вот показывается первый кабриолет с включенными фарами и откинутым верхом, а следом за ним - элегантная, запряженная парой коляска.

Как только старинный автомобиль останавливается, его обступают любопытные прохожие и вездесущие уличные мальчишки.

Из машины выходят два джентльмена и дама, одетые по моде начала века. Это сэр Реджинальд Донгби с женой - леди Вайолет - и со своим личным секретарем.

Под аккомпанемент скрипки бродячего музыканта ходит на руках маленький акробат.

Два патрульных карабинера в португелях и треуголках останавливаются спиной к кинокамере.

В кадре появляются все новые лица - улыбающиеся, с горящими от любопытства глазами; обернувшись, строго и удивленно смотрят в объектив карабинеры.

Среди подпрыгивающих на неровном настиле пристани машин и экипажей появляется еще один лимузин с включенными фарами. Вышедших из него актера-комика немого кино Рикотэна, банкира и даму тоже окружает шумная и неугомонная ребятня - такая импровизированная публика, которой актер просто не может не

продемонстрировать несколько смешных антраша.

Куда менее симпатично выглядят хмурый финансист, весьма внушительный в своем пальто с меховым воротником, да еще с гигантской сигарой в зубах, и его мертвенно-бледная надменная спутница - дама-продюсер.

С пассажирского судна, борт которого, словно гигантская стена, вздымается над пристанью, машут руками кажущиеся совсем крошечными из-за большого расстояния человеческие фигурки.

Посадка продолжается; расторопные грузчики поднимают багаж в специальных люльках.

Леди Вайолет все еще никак не может отделаться от настырных, весело галдящих мальчишек; но ее растерянно блуждающие глаза уже заприметили и нагловатые ухмылки парней в толпе, и многозначительные подмигивания украдкой поглядывающих на нее молоденьких матросов.

Подкатывает экипаж с плотным и румяным тенором Фучилетто, охотно и весело откликающимся на назойливые приставания мальчишек. Подав руку двум элегантным пышнотелым дамам в широкополых, украшенных плюмажем шляпах певицам сопрано Инес Руффо Сальтини и Терезе Валеньяни, - он помогает им спуститься с подножки.

Вот за стеклами гигантского лимузина мы видим лицо Ильдебранды Куффари. Знаменитая певица выходит из автомобиля вместе со своей свитой - дочерью, личным секретарем и концертмейстером. Лоб ее повязан шарфом, и это как-то особо подчеркивает благородство лица, отмеченного печатью душевного смятения.

Тенор Фучилетто встречает Куффари грубоватыми шуточками.

А вот и еще два роскошных автомобиля. Уличный фотограф в плаще и берете суетливо устанавливает свой аппарат; сбегаются дети, зеваки, матросы из судовой команды.

Под любопытными взглядами собравшейся публики из машин высыпают женщины с закрытыми чадрой лицами. Это прибыла свита некоего знатного египтянина. Женщин поспешно проводят к пассажирскому трапу, круто уходящему вверх по высоченному борту судна.

На грузовых платформах на судно поднимают багаж, продовольствие.

Журналист Орландо, стоя спиной к борту, поправляет свой повязанный бантом галстук в горошек. У этого человека лет шестидесяти приветливое мягкое лицо с плутоватыми, но добрыми и светящимися умом глазами. Во всем его облике есть что-то смешное, клоунское - такие люди обычно нравятся детям.

Поскольку сцена немая и слышно лишь жужжание кинокамеры, слова журналиста передаются титрами.

"МНЕ СКАЗАЛИ: "ТЫ - РЕПОРТЕР, ВОТ И

РАССКАЗЫВАЙ ОБО ВСЕМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ".

А ЧТО ПРОИСХОДИТ? РАЗВЕ КТО-НИБУДЬ ЗНАЕТ?"

Сказав это, Орландо импровизирует каскад веселых трюков: надев на голову одну твидовую шляпу и быстро сбросив ее, он надевает другую, затем снова первую, всякий раз успевая загнать их поля на иной манер.

Теперь мы видим, что его снимает кинооператор, застывший у своего штатива и вслепую отбрыкивающийся от назойливой ребятни.

И снова следуют кадры с пояснительным текстом:

ТОТ, КОМУ ДОВЕЛОСЬ ЭТИМ ИЮЛЬСКИМ УТРОМ 1914 ГОДА ПОБЫВАТЬ
НА ПРИЧАЛЕ N 10, МОГ ВИДЕТЬ, КАК НА БОРТ БОЛЬШОГО ПАССАЖИРСКОГО
СУДНА "ГЛОРИЯ Н." ПОДНИМАЕТСЯ ЦЕЛАЯ ПРОЦЕССИЯ НЕОБЫЧНЫХ
ПАССАЖИРОВ, СЪЕХАВШИХСЯ СЮДА СО ВСЕГО МИРА.

Между тем толпу на пристани охватывает волнение.

Стоящие на специальном возвышении оркестранты готовят свои инструменты; кто-то крестится, кто-то снимает шляпу.

По причалу, влекомый четверкой лошадей, движется роскошный катафалк. Лошади убраны черными султанами, покрыты траурными попонами. Лица присутствующих принимают скорбное и торжественное выражение.

Траурная процессия останавливается; с катафалка спускаются двое служащих похоронного бюро: на черной, расшитой золотом подушке они несут погребальную урну.

Граф ди Бассано в отчаянии хватается за голову и запускает пальцы в волосы. Изобразив на лице крайнюю степень страдания, он мелодраматическим жестом посылает вслед урне воздушный поцелуй. Служащие похоронного бюро подходят к погрузочной площадке, на которой стоят, вытянувшись по стойке "смирно", офицеры и матросы.

Один из служащих похоронного бюро. Позвольте передать вам прах Эдмеи Тетуа.

Офицер Эспозито. Синьор Партексано!..

Подходит Партексано и, приняв, как предписано церемониалом, урну, обращается к офицерам:

- Прошу разрешения поднять на борт прах Эдмеи Тетуа.

Помощник капитана. Разрешаю.

Первый офицер. Шесть человек в почетный караул!

Раздаются шесть свистков. Они служат сигналом и для оркестра.

С этого момента пленка цвета сепии постепенно наливается красками, приобретая колорит цветной фотографии.

Партексано, поднявшись по трапу до задраенного люка, ждет, когда он откроется, и передает туда урну, которую сразу же уносят в недра судна.

Из собравшейся на причале толпы выступает вперед дирижер оркестра маэстро Альбертини; поверх пальто через плечо у него переброшен белый шарф, из-под поляй черной шляпы выбиваются серебристо-седые волосы.

Это сигнал для всех. Собравшиеся задвигались, принимая соответствующие позы.

Взмах белых рук маэстро - и вступает оркестр. Первым начинает петь Фучилетто, но к нему сразу же присоединяются остальные. Звучит хор, под аккомпанемент которого пройдут все сцены погрузки и отплытия "Глории Н."

Музыкальная фонограмма

Ах голос, какой злой рок тебя унес?

Но пора - отплываем!

Друзья, отплываем!

Что ждет нас - не знаем:

удача? провал?

безветрие? шквал?

Нас дивное эхо

поддержит в пути.

Друзья, отплываем

и с тьмой порываем!

Нам память и вера

помогут пройти.

Где ты,

где ты?

С нами боги, планеты

о тебе заскорбят.

В шорохе волны спешщей,

в шелестении над чащей,

в тихом шепоте рассвета

ждет любовь твоя ответа...

Голос радости и дружбы,

на саму весну похожий,

нас позвать уже не сможет

он молчаньем смерти взят.

Поспешим за волнами!

Трудный путь перед нами

путь удач и забот.

Но корабль наш плывет.

Вперед, вперед,

корабль идет...

Поют сэр Реджинальд Донгби и его секретарь.

Поют офицеры, матросы и служащие похоронного бюро.

Поет своим изумительным голосом Ильдебранда Куффари.

Поют сопрано Инес Руффо Сальтини и Тереза Валеньяни.

Поют секретари, концертмейстеры и карабинеры.

Поет толпа, выстроившаяся рядами, словно оперный хор на просцениуме.

Перед нами разворачивается самое настоящее музыкальное действо, управляемое изящными и повелительными движениями рук маэстро Альбертини.

И вот все, как бы повинувшись зову этой музыки, направляются к крутому трапу; дамы движутся в заданном ритме, словно в танце, слегка придерживая свои длинные юбки.

Скользя по трапу на фоне темного металлического борта судна, пассажиры друг за другом поднимаются на освещенную палубу.

2. ВЕРХНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". РАННЕЕ УТРО

Знаменитый тенор Сабатино Лепори - он сел на судно раньше демонстрирует свои необыкновенные голосовые данные.

3. ПОРТ В НЕАПОЛЕ. ПРИЧАЛ. РАННЕЕ УТРО

Быстро, ритмично по трапу взбегают матросы...

4. НОСОВАЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". РАННЕЕ УТРО

...а в это время юнги на носовой палубе уже выбирают швартовы.

5. ПОРТ В НЕАПОЛЕ. РАННЕЕ УТРО

И вот высоченный черный борт "Глории Н." со светящимися в предутреннем сумраке маленькими иллюминаторами начинает медленно-медленно скользить вдоль причала под

прощальные крики детей, толпы, машущих шляпами провожающих; ряды черных силуэтов, снятые сзади, похожи на оперный хор.

6. ВЕРХНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". РАННЕЕ УТРО

Все гости на верхней палубе продолжают петь. Поет даже капитан на своем мостике; ему подпевают офицеры экипажа, стюардессы и капеллан.

7. КОТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ "ГЛОРИИ Н.". РАННЕЕ УТРО

Поют кочегары в котельной, озаряемой сполохами огня из гигантских топок.

8. ПОРТ В НЕАПОЛЕ. РАННЕЕ УТРО

И вот корабль, отделившись наконец от пристани, выходит в море.

9. КУХНЯ РЕСТОРАНА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Теперь, когда судно в открытом море, характер музыки меняется, она становится веселее, живее, заразительнее.

Музыкальная фонограмма: фрагменты из "Щелкунчика" Чайковского

Все происходящее в кухне, где спуют повара, поварята и судомойки, вполне

отвечает общей атмосфере приподнятости и веселья; два повара переругиваются; в клубах пара на раскаленных плитах поспевают изысканные кушанья, и неутомимые официанты тут же уносят их в зал, предварительно сдав заказы администратору ресторана, который бдительно следит за ними, стоя у своего стола.

10. РЕСТОРАН "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Пассажиры "Глории Н." уже сидят за столами в зале, не уступающем по роскоши ресторану любого дорогого отеля.

Предупредительный метрдотель ходит между столами, наблюдая за тем, как обслуживают гостей.

Все говорят одновременно, все несколько возбуждены; кинокамера, скользя от стола к столу, показывает целый набор самых разных лиц. В зале царит "bon ton".

Больше всего народу - за капитанским столом; бок о бок с офицерами экипажа мы видим кое-кого из пассажиров; метрдотель проявляет свое неназойливое внимание и к ним, желая убедиться, что все идет как надо.

Неподалеку от капитанского стола занимает свое место Ильдебранда Куффари с дочерью, секретарем и концертмейстером. Она строго отчитывает девочку за то, что та слишком шумно дует на бульон.

КУФФАРИ. Моника! Что ты делаешь?

ДОЧКА КУФФАРИ. Но мамочка, он же горячий!

КУФФАРИ. Значит, надо подождать, когда остынет.

Жена тенора Сабатино Лепори, аргентинка, со свойственной ей экспансивностью насаждает на секретаря-импресарио мужа.

ЖЕНА ЛЕПОРИ (с испанским акцентом). Даже если мой муж сказал "да", это еще ничего не значит. Мой муж великий артиста, только... Ты не сердись, por favor [пожалуйста (исп.)], дорогой... Что поделаешь, в делах он просто ребенок.

Тенор продолжает жевать, выказывая полнейшее равнодушие к обсуждаемой теме. Секретарь возражает:

- Я бы этого не сказал. Но как бы там ни было, синьора, я здесь для того, чтобы блюсти его интересы...

ЖЕНА ЛЕПОРИ. Нет, неправда! При заключении контракта вы его интересы не защищали!

И я вам сейчас скажу por que [почему (исп.)]. Во-первых, реклама. Она не в его пользу. Нужно изменить рекламу сопрано, она слишком шикарная по сравнению с рекламой моего супруга...

Вдруг Лепори замечает направленный на него объектив кинокамеры; быстрым жестом поправив волосы и холеные усы, он приосанивается и принимает классическую позу тенора - для солидного портрета "в три четверти".

За столом комика немого кино Рикотэна тоже разгораются страсти.

РИКОТЭН. Благотворительность или не благотворительность, а я не желаю больше ломать комедию перед горсткой сопляков. Я... я... Рикотэн, я тонкий комический актер. И неправда, что мои основные зрители - дети, я пользуюсь успехом у интеллектуалов...

Его перебивает бледная дама-продюсер; с трудом сдерживая раздражение, она

пытается поставить его на место.

ДАМА-ПРОДЮСЕР. Это ты так думаешь, дорогой, а последние выступления критики просто ужасны...

РИКОТЭН (за кадром). Во Франции критик Жильбер...

БАНКИР. Ты должен выполнять условия контракта! Тебя взяли сюда для того, чтобы ты делал рекламу моему фильму, и ни для чего другого!

Напряжение - правда, иного рода - ощущается и за столом сэра Реджинальда Донгби.

Участвуя в разговоре с показной непринужденностью, на самом деле он весь поглощен подглядыванием за своей женой - леди Вайолет, а она в свою очередь совершенно недвусмысленно пожирает глазами усатого официанта, обслуживающего их стол.

Пока сэр Реджинальд поддерживает легкую беседу, волнение прекрасной леди нарастает, и вместе с ним растет ревность мужа, жадно следящего за малейшими признаками возбуждения у жены.

СЭР РЕДЖИНАЛЬД ДОНГБИ. Да, так вот, индусы, живущие в окрестностях Бомбея, утверждают, я, конечно, не знаю, насколько это достоверно, но они утверждают, что, если смотреть тигру прямо в глаза, он на человека не нападет.

СЕКРЕТАРЬ ДОНГБИ (за кадром). Возможно ли это, сэр Реджинальд?

Но Донгби до того озабочен поведением жены, что вопрос секретаря до него не доходит.

СЭР РЕДЖИНАЛЬД. Что-что?

СЕКРЕТАРЬ ДОНГБИ. Я говорю - неужели это так просто?

СЭР РЕДЖИНАЛЬД (нервно смеясь). Да нет же, совсем нет... Пожалуй, это самая трудная штука на свете... особенно если тигр тоже смотрит тебе прямо в глаза. (И он снова раздражается своим истерическим смехом.)

В одном из уголков зала без устали играет небольшой оркестр. Белокурый секретарь Куффари, понизив голос, говорит певице:

- Тебя снимают...

КУФФАРИ (шепотом). Где? Кто?

Ее ложка застывает в воздухе, а на лице появляется выражение томного безразличия.

СЕКРЕТАРЬ КУФФАРИ. Они там, за лестницей...

На середину зала выходит репортер Орландо и делает рукой общий привет совсем как нынешние тележурналисты.

ОРЛАНДО. А вот и я! Куда направляются эти прекрасные дамы и господа? Почему они собрались все вместе здесь, на борту этого... сказочного...

К нему подходит метрдотель и очень вежливо говорит:

- Прошу прощения, синьор Орландо, что я вас перебиваю, но вы выбрали такое место...

Здесь вы мешаете официантам... Не соблаговолите ли вы отойти, ну хотя бы вон в

тот уголок?

ОРЛАНДО (улыбаясь). Ага, понятно. (Подмигивает публике добродушно и чуть-чуть плутовато.)

МЕТРДОТЕЛЬ. Благодарю вас, вы очень любезны, я вам чрезвычайно признателен, прошу прощения...

Орландо отходит в сторонку и оказывается чуть ли не под самой центральной лестницей - так, что за спиной у него то и дело распахиваются створки двери, ведущей в кухню, и непрерывно снуют официанты.

ОРЛАНДО. Да, так вот я спрашиваю, куда направляются все эти необыкновенные пассажиры? И верно ли, что они носители, так сказать, самых высоких ценностей в волшебном мире искусства? Сейчас я вам их представлю: перед вами знаменитый директор Миланского театра "Ла Скала"...

По мере того как Орландо представляет гостей, объектив кинокамеры выхватывает их лица из общей массы обедающих и показывает зрителям.

- ...а это его прославленный коллега из Римской оперы, тот самый, что причастен к скандалу...

Тут мы успеваем услышать обрывок разговора за столом, на который направлен объектив.

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. ...Она-то и называется "длинной волной"... (Не договорив фразы, бормочет.) ...Не обращайтесь внимания, сделайте вид, будто ничего не происходит. Смотрите в свои тарелки.

Эти слова обращены к сидящим с ним дочери, секретарю и молодой второй жене, которая, не удержавшись, все-таки оглядывается.

- Не оборачивайся!

ЖЕНА ДИРЕКТОРА ТЕАТРА (за кадром). Да я вовсе и не смотрю.

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Повернись сюда и ешь!

ЖЕНА ДИРЕКТОРА ТЕАТРА. Ну хватит, надоел!

Наше внимание задерживается на секретаре директора: сначала он продолжает жевать, с веселым любопытством глядя в объектив, а потом вдруг поднимает белую салфетку и натягивает ее перед лицом, как экран, Это шутка.

Орландо между тем вводит нас в курс светских сплетен:

- Это его вторая жена, бывшая румынская певица... видите, она поворачивается к нам спиной... И дочь от первого брака. А это его секретарь - эксцентричный субъект. Говорят, он медиум, проделывающий поразительные психофизические опыты...

Возле самого окна сидит легендарный дирижер фон Руперт... Вундеркинд... В большей мере, пожалуй, "кинд", чем "вундер": вечно цепляется за юбку своей ужасной мамочки...

Юный фон Руперт, стоя у окна, восклицает:

- Смотрите, смотрите, там чайка! Машет крыльями совсем как дирижер! (Хихикая, возвращается к столу, за которым сидит его мамаша.) Чайка дирижирует в стиле Франца Гюнтервица, тапан.

МАТЬ ФОН РУПЕРТА. Садись, Руди, тебе нельзя утомляться.

ФОН РУПЕРТ. Я не устал!

На чайку, которая все еще носится за окнами, теперь обращает внимание тенор Фучилетто, сидящий за капитанским столом.

ФУЧИЛЕТТО. Вы только гляньте!

ОРЛАНДО. А моя репортерская работа становится все труднее: уж очень обильную и подробную информацию приходится вам давать. Ну-ка, посмотрим, кто тут у нас... Ага, знаменитый тенор Аурелиано Фучилетто. Должно быть, это и есть тот здоровенный бородач, который вздумал покормить чайку.

ФУЧИЛЕТТО. Что я сейчас тебе дам... Любишь ветчинку?

Поскольку птица этот лакомый кусок взять не может, он заканчивает свою шуточку словами:

- Не хочешь? Тогда я сам ее съем.

СОПРАНО РУФФО САЛЬТИНИ. Как остроумно! А если бы с тобой вот так?

Оба директора Венской оперы поднимают бокалы:

- Прозит!.. Прозит!

ОРЛАНДО (продолжая церемонию представления). Оба директора Венского оперного театра, родом из Варшавы... Видите, это они нас приветствуют. Спасибо... А это очеркистка Бренда Хилтон. Ее все боятся...

Сидящая рядом с Фучилетто Бренда Хилтон поднимает глаза от тарелки и предупреждает своего визави:

- Илья, слышите? Там что-то и о вас...

Бас Зилоев оборачивается, чтобы взглянуть на Орландо, который в этот момент действительно говорит о нем.

ОРЛАНДО: ...Salve, Зилоев... У этого человека самый глубокий, самый мощный бас в мире. А вот позвольте представить: меццо-сопрано Валеньяни и очаровательная Инес

Руффо Сальтини. (Обе добродушные молодые синьоры польщенно улыбаются.)
Концертмейстеры братья Рубетти...

Два розовощеких старичка с длинными седыми волосами сидят за столом вместе с монахиней и дирижером, посылающим в этот момент воздушный поцелуй Ильдебранде Куффари.

ОРЛАНДО. ...И, наконец, та, которая после кончины Тетуа, несомненно, является обладательницей лучшего в мире голоса: Ильдебранда Куффари.

Ильдебранда Куффари лишь слегка - величественно и надменно поворачивает голову: то ли навстречу объективу, то ли в сторону дирижера, посылающего ей воздушный поцелуй. Со словами: "Могу ли я узнать ваше имя, синьор?" - Орландо обращается к одному из гостей, сидящих за столом ближе всех к нему.

Строгий господин, по внешности явно австриец, перестав прихлебывать бульон, отвечает:

- Давид Фитцмайер...

ОРЛАНДО (за кадром). Не скажете ли, каков род ваших занятий?

ФИТЦМАЙЕР. Я дирижер!

ОРЛАНДО. Ах дирижер!

ФИТЦМАЙЕР. Совершенно верно!

ОРЛАНДО. О, благодарю вас. А эта дама? (Он имеет в виду соседку Фитцмайера.)

ФИТЦМАЙЕР (удивленно). Это известная танцовщица!

ОРЛАНДО. А, понимаю... Не назовете ли вы нам ее имя?

ФИТЦМАЙЕР. Да вы что! Это же Светлана! Ее все знают!

Теперь мы видим Светлану - смуглянку откуда-то с востока России. Отвесив легкий поклон в ее сторону, Орландо продолжает:

- Спасибо! Итак... (про себя) это я уже говорил... Так куда же направляется сие почтенное общество? Все эти важные персоны, которым вы не раз имели возможность выражать свое восхищение и аплодировать? Почему они собрались здесь все вместе? Словно не было никогда никакого соперничества... никаких раздоров... (В этот момент его что-то отвлекает.) Что еще там такое?

За капитанским столом разглагольствует капеллан:

- ...антропофаг, пожиратель человечины, даже он, услышав такие слова...

Фучилетто встает и, открыв одну из створок окна, уговаривает чайку взять еду у него из рук:

- Так ты и сыру не хочешь? Какой клюв у нее, какие крылья! Смотрите!

ТЕРЕЗА ВАЛЕНЬЯНИ. Нет! Закрой окно, закрой окно... вот дурень! Закрой, а то она влетит...

Певица в страхе прикрывает голову руками, и ее опасения сию же минуту оправдываются: чайка, спикировав, влетает в зал.

Мгновение всеобщей растерянности. Кто-то вскакивает; директор "Метрополитен-опера" начинает размахивать в воздухе своей тростью.

Фучилетто, словно провинившийся романолюский мальчишка, удивленно восклицает:

- Глядите-ка, влетела! Почем я знал, что она может влететь? Она, наверно, ручная!

Директор Парижской оперы пытается подманить чайку, причмокивая губами. Дамы поднимают крик.

СЕКРЕТАРША ДИРЕКТОРА ОПЕРЫ. Нет-нет, я боюсь! Je vous en prie! Faites le sortir, faites le sortir! [Прошу вас! Выпустите ее, выпустите ее! (франц.)]

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Нелли, успокойся, не устраивай сцен, сядь!

Прибегает официант и со словами "Прошу прощения!", размахивая салфеткой, отгоняет чайку.

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Сходи в подсобку, пусть принесут лестницу.

Старый опытный офицер Эспозито, понизив голос, обращается к Партексано:

- Партексано, сачок!

ПАРТЕКСАНО (за кадром). Что?

ОФИЦЕР ЭСПОЗИТО. Живо принеси сачок из моей каюты!

Судовой врач, неаполитанец, шуткой старается успокоить сидящую рядом даму.

СУДОВОЙ ВРАЧ. Она пронюхала, что у нас сегодня в меню камбала под майонезом, вот и прилетела...

Метрдотель в совершенной растерянности стоит посреди зала и пытается оправдаться:

- Ничего подобного у нас еще не случилось. Извините, пожалуйста, это просто глупое недоразумение...

Египетский вельможа продолжает невозмутимо жевать, но его секретаря, который даже встал из-за стола, чтобы видеть лучше, все это, похоже, очень забавляет.

И уж в полном восторге Орландо: задрал голову, он следит за чайкой, описывающей круги высоко под потолком, у самой люстры с подвесками.

СЕКРЕТАРША ДИРЕКТОРА ОПЕРЫ (за кадром). Нет-нет, я боюсь!

МЕТРДОТЕЛЬ (за кадром). Сейчас ее поймают, непременно поймают!

В этой суматохе Рикотэн не находит ничего лучшего, как изобразить летящую чайку: он издает звуки, похожие на карканье, и машет руками, словно крыльями.

Прибегают два матроса со стремянкой.

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Поставьте ее туда...

ПАРТЕКСАНО. Туда, туда!

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. И поосторожнее!

ПАРТЕКСАНО. Так-так, под люстру!

ПОМОЩНИК КАПИТАНА (за кадром). Мда... и кто же туда поднимется?

ПАРТЕКСАНО. Тонино!

КАПИТАН. побыстрее, побыстрее...

ПАРТЕКСАНО. Мы стараемся, капитан!

СТЮАРДЕССА. Но так мы ее еще больше испугаем.

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Тонино, давай полезай, живо!

Пока матрос ловко карабкается вверх, приходит Эспозито.

ЭСПОЗИТО. Вот сачок. Тонино, осторожно, не зацепи люстру!

Взоры всех обращены на матроса, выполняющего свой акробатический трюк на самой верхушке лестницы.

ОРЛАНДО (с пафосом). И птица сама полетела в западню.

Поскольку последние слова этой фразы обращены к стоящему рядом сэру Реджинальду, тот спрашивает чопорно:

- Мы с вами знакомы, сэр?

ОРЛАНДО. Меня зовут Орландо, мне очень хотелось бы взять у вас интервью, сэр Реджинальд!

Следует рукопожатие. Но английский аристократ разочарован.

- О, в таком случае, - говорит он, - обратитесь пожалуйста, к моему секретарю.

ОРЛАНДО. Ясно. Тогда до скорого свидания...

Журналист отходит в сторону, ничуть не обескураженный сдержанностью сэра Реджинальда.

Стоящий на лестнице матрос Тонино упускает свою добычу.

ФУЧИЛЕТТО (за кадром). Лети сюда, красавица, сюда, сюда, здесь есть выход!

Скованная страхом Куффари, боясь поглядеть вверх, все повторяет:

- Ее поймали? Ее уже поймали?

Вылощенный концертмейстер, поднявшись, говорит:

- Ничуть не бывало, она села на ковер... вон она...

Чайка, быстро перебирая лапками, бежит по ковро, а за ней, пригнувшись, крадется помощник капитана. Кажется, он вот-вот схватит птицу, но та вдруг взмывает под потолок; все взгляды вновь прикованы к ней. Наконец чайка вылетает в открытое окно.

Фучилетто, который никак не может унять свой романолюский темперамент, напутствует ее словами:

- Ага, ага... тише вы все! Она улетает! Улетает! Выбралась-таки! Привет, красавица! Привет!

ВАЛЕНЬЯНИ. Да закрой ты окно!

ФУЧИЛЕТТО. Счастливого пути, красавица! Пока!

ВАЛЕНЬЯНИ. Завтра же пересяду за другой стол!

Фучилетто подносит руку к виску, словно отдавая честь, и продолжает дурачиться:

- Капитан, чайка покинула нас!.. Как видно, ей не понравилось меню!

РУФФО САЛЬТИНИ (за кадром). Пусть его самого пересадят отсюда.

ОФИЦЕР ЭСПОЗИТО. Это умные существа, они привыкают к людям. Помню, когда я служил на "Меркурии", точно такая же птица - чайки ведь бывают разных видов - ухитрялась склевывать рыбку прямо у меня с головы. Я клал себе рыбку на голову, а чайка подлетала и хватала ее...

Сверху, медленно и мягко кружась, опускается оброненное чайкой белое перышко.

Дочку Куффари это ужасно забавляет.

- Мама, - кричит она, - перышко упало тебе за ворот!

Куффари в ужасе; едва сдерживая отвращение и боясь пошевелиться, она умоляет:

- Уберите его! Уберите, ради бога!

КОНЦЕРТМЕЙСТЕР. Успокойся, дорогая... (Пытается вынуть перышко из-под ее мехового палантина.)

СЕКРЕТАРЬ. Ильдебранда, это хорошая примета!

КОНЦЕРТМЕЙСТЕР. Я что-то ничего не вижу...

СЕКРЕТАРЬ. Даже чайка не смогла не оказать тебе внимания!

Оба молодых человека заботливо, но с улыбками склонились над певицей.

КОНЦЕРТМЕЙСТЕР. А, вот оно!

Держа перышко в руках, он показывает его Куффари, а та резко отворачивается.

КОНЦЕРТМЕЙСТЕР. Смотри!

КУФФАРИ. Нет, не хочу его видеть!

В ресторан по парадной лестнице спускаются два мрачных субъекта в черном. Они делают какой-то знак метрдотелю, и тот сразу же направляется к оркестру.

МЕТРДОТЕЛЬ. Эй... Эй... Маэстро!

Музыкальная фонограмма

Маэстро тотчас задает оркестрантам "ля", а сам берет в руки скрипку.

Метрдотель почтительно отступает.

На лестнице, вслед за двумя агентами в черном, появляется в окружении своей свиты совсем еще юный Великий герцог Гогенцуллер; несмотря на полноту, он весьма

элегантен в своем пышном мундире. Спускаясь по лестнице, Великий герцог что-то весело рассказывает идущему следом премьер-министру.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ (по-немецки). Конная статуя пятиметровой высоты. Как он об этом мечтал!.. А теперь, когда статуя есть, он не может ею полюбоваться. Бедный мой папа!

За капитанским столом раздаются аплодисменты.

ФУЧИЛЕТТО. Langes Leben...

РУФФО САЛЬТИНИ. Великий герцог...

ФУЧИЛЕТТО. ...unserem Fursten! [Да здравствует... наш герцог! (нем.)]

Орландо попытался было подойти поближе, но его тотчас остановил один из телохранителей.

ОРЛАНДО. Я журналист, мне нужно взять интервью у Великого герцога. Ну пожалуйста...

Все его старания тщетны.

Великий герцог и его свита, спокойно продолжая разговор, направляются к столу.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Такие глухие, настойчивые удары, словно какой-то великан стучит

в дверь, требуя, чтобы ее открыли...

ДИРЕКТОР "МЕТРОПОЛИТЕН-ОПЕРА". Интересно, сколько ему лет?

Сэр Реджинальд, продолжая разрезать мясо на тарелке, не без ехидства замечает:

- Если судить по его компетентности в политике, больше восьми ему не дашь.

ОРЛАНДО (сначала за кадром, потом в кадре). А вот и важная персона, которую все мы ждали: Великий герцог Гогенцуллер в сопровождении своей слепой сестры, принцессы Леринии. Она потеряла зрение еще в детстве - и все же... Вы обратили внимание? Как уверенно она выступает рядом с премьер-министром! Эта женщина не нуждается ни в сострадании, ни в чьей-либо помощи... Как будто видит всех нас!

Немногочисленная свита рассаживается за большим круглым столом, на котором стоят канделябры и в самом центре - ваза с пышным букетом.

Метрдотель, приблизившись к столу, громко возвещает:

- Consomme vichyssois... Potage de tortue [Бульон "Виши"... Черепеховый суп (франц.)].

Но слепая сестра Великого герцога уже сделала выбор.

- Тот отменный протертый суп, что мы ели вчера... можно попросить его и сегодня?

ПЕРЕВОДЧИК (метрдотелю). Вы помните...

МЕТРДОТЕЛЬ. Это был potage... printemps [суп-крем... весенний (франц.)].

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. О-о-о-о! И еще вот это! Quaille truffier [фаршированная перепелка (франц.)]. Ну да, конечно!

Держа в руке карту, он с радостным смехом, словно мальчишка-лакомка, тычет в нее пальцем. У него гладкое розовое лицо евнуха и закрывающая весь лоб шелковистая белокурая челка.

Орландо выглядывает из-за спины телохранителя, преграждающего ему дорогу. Но, убедившись, что ничего у него не выйдет, возвращается на свой "пост" под лестницей, рядом с дверью на кухню. Раздосадованный, он прислоняется к расписанной фресками стене и продолжает свой репортаж:

- Итак, вы хотите знать, ради чего затеяно наше путешествие? Это похороны. "Какие такие похороны?" - спросите вы... Уверю вас, дамы и господа, похороны! Все эти знаменитости собрались здесь, чтобы присутствовать на похоронах! Такова была последняя воля усопшей, совершенно недвусмысленно выраженная в ее завещании: "Сжечь... и рассеять прах... на рассвете... в открытом море, близ острова, где я родилась..."

Он вытаскивает из кармана и показывает вырезанный из журнала фотоснимок, на котором виден остров - небольшой утес в зеленом море.

- Вот он, остров Зримо... Остров, где родилась Эдмея Тетуа... и куда жаждет вернуться ее душа. Эдмея Тетуа! Величайшая певица всех времен! Чудо вокала! Божественный голос!

Судовой оркестрик что-то наигрывает.

Монарх со своей свитой продолжает трапезу за отдельным столом, на специальном возвышении.

Слепая принцесса Лериния называет цвета:

- Голубой... голубовато-белый... Ультрамарин... Изумрудно-зеленый... Зеленый... Светло-синий...

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Она воспринимает музыку как своего рода спектр...

СЕСТРА ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА. Белый... белый... белый...

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Сестра утверждает, что каждой ноте соответствует определенный цвет.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Один французский учений установил, что некоторые люди наделены особым даром цветового восприятия звуков.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. Позвольте мне сказать... Я лично не верю, что это доказуемо...

Этак всякий может заявить, что он слышит цвета!

ПЕРВАЯ ФРЕЙЛИНА. Ясно ведь, господин Кунц, что столь чувствительной... натурой наделены не все!

Принцесса продолжает перечислять цвета.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ (за кадром). Я бы никогда не позволил себе в этом усомниться, просто я хотел сказать, что научное доказательство такого феномена вряд ли возможно.

ВТОРАЯ ФРЕЙЛИНА (по-немецки). А мне вот тоже однажды во время болезни казалось, что у всех людей лица зеленые.

СЕСТРА ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА. Да нет же, мы все можем различать цвета в музыке. И не только в музыке - голоса тоже разного цвета.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Ты говоришь, что у меня голос серый. И всегда он такой?

СЕСТРА ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА. Не всегда. Когда ты чем-то озабочен, голос у тебя становится цвета ржавчины - красновато-коричневым... А вот у начальника полиции голос всегда одного и того же цвета. Такой желтый, непрозрачный, тусклый!

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. А у нашего генерала? Какого цвета голос у него?

СЕСТРА ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА. Скажите что-нибудь, господин генерал!

ГЕНЕРАЛ (ПО-НЕМЕЦКИ). Ну вот вам мой голос. В певцы я, разумеется, не гожусь. (Усмехается.)

СЕСТРА ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА. Как странно. Я не вижу никакого цвета, пустота какая-то, полное отсутствие...

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Полное отсутствие... У командующего вооруженными силами? Подобные вещи наводят на тревожные мысли.

Продолжая развивать эту тему, он поднимает настроение своих сотрапезников, чего, собственно, и хотел.

11. КАЮТА КАПИТАНА. ДЕНЬ

Орландо демонстрирует перед объективом кинокамеры урну с прахом Эдмеи Тетуа.

ОРЛАНДО (сначала за кадром, потом в кадре). Вот он, здесь... Здесь все, что от нее осталось. Ради этой урны - такой маленькой и такой великой друзья и поклонники певицы из разных стран мира зафрахтовали одно из самых... роскошных пассажирских судов, которым командует наш геройский капитан... уроженец... непокорной Генуи!

Капитан и его офицеры позируют перед камерой, стоя за большим письменным столом.

По другую сторону стола сидит одетая в траур кузина певицы.

КАПИТАН. Не Генуи, а Специи... Специи. (Улыбается.)

ОРЛАНДО. Ну да, Специи. Он родом из непокорной Специи... капитан Леонардо...

Капитан осторожно покашливает.

ОРЛАНДО. ...Де Робертис!

Пытаясь привлечь к себе внимание Орландо, капитан снова покашливает.

ОРЛАНДО. Что такое?

КАПИТАН. Наоборот: Роберто Де Леонардис!

ОРЛАНДО. А я как сказал?

Став навтыяжку, капитан с улыбкой представляется сам:

- Роберто Де Леонардис!

Кинооператор крутит ручку своей камеры, и репортер продолжает:

- Совершенно верно. Так вот именно он доставит нас к острову Зримо... чтобы все мы... могли принять участие... в церемонии... погребения... предания праха...

Он прерывает свою речь, так как в каюту кто-то заглядывает.

Это сэр Реджинальд и его секретарь.

Орландо, так и не закончив своей торжественной речи, с криком: "Сэр Реджинальд! Сэр Реджинальд!.." - выходит из кадра, затем вновь показывается на экране и со словами: "Прошу прощения" - исчезает окончательно.

12. КОРИДОР ПАССАЖИРСКОЙ ПАЛУБЫ НА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

В коридоре, особый шик которому придает красная ковровая дорожка, раздается крик

Орландо:

- Сэр Реджинальд... простите... - Догнав сэра Донгби и его секретаря, он старается оправдать свою назойливость: - У меня всего лишь парочка вопросов. Это верно... что... вы... устроили нашей божественной певице... дебют в Лондоне?

СЭР РЕДЖИНАЛЬД. Конечно! Прошу прощения.

С этими словами сэр Реджинальд быстро сворачивает к трапу. Орландо, застыв с раскрытым блокнотом в руке, растерянно улыбается секретарю сэра Реджинальда.

13. ВЕРХНЯЯ ПАЛУБА. ДЕНЬ

Сэр Реджинальд торопливо поднимается по трапу на верхнюю палубу, где собрались почти все пассажиры: закутавшись в пледы, они лежат в шезлонгах и греются на солнышке.

Мы видим, как он подходит к какой-то дремлющей даме, которую, по-видимому, принял за свою жену, так как лицо ее прикрыто журналом ("Варьете").

Сэр Реджинальд приподнимает журнал и видит... всемирно известную балерину Светлану. Он быстро опускает журнал и, раздосадованный, отходит, нервно хихикая;

ситуация, конечно, комическая. А мамаша фон Руперта, завзятая сплетница, стоя вместе с сыном у борта, шепчет:

- Смотри, Руди, он ее ищет!

Молодой человек оборачивается и подчеркнуто вежливо приветствует сэра Реджинальда:

- Хэлло! Приятной прогулки!

Сэр Реджинальд круто разворачивается и с нервным смешком направляется к металлической двери, ведущей на нижнюю палубу.

14. НИЖНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Орландо показывается на кормовом мостике, где юнги драят деревянный настил, а третий офицер дает какие-то пояснения технического порядка братьям Рубетти и монахине.

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР. Вот это - запасной штурвал, он нужен на случай, если выйдет из строя штурвал в капитанской рубке. Тут есть приспособление, с помощью которого можно пользоваться этим штурвалом и блокировать тот.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Вот как! И когда же вы им пользуетесь?

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР. Как я уже сказал - при чрезвычайных обстоятельствах.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. А вон там, пониже... Это что?

Устройство, к которому подходит офицер, так же как и запасной штурвал, покрыто тяжелым брезентовым чехлом.

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР (приглашая гостей на капитанский мостик). Будьте любезны, поднимитесь за мной!

Чуть в сторонке важный египтянин, развалясь в шезлонге, что-то диктует по-арабски своему секретарю, устроившемуся за низеньким столиком.

ОРЛАНДО. А это египтянин. Он, кажется, был любовником нашей несравненной Тетуа. Ему принадлежат все железные дороги Египта. И еще он ужасно похотлив. Говорю то, что слышал, разумеется...

Вновь появляется донельза встревоженный и запыхавшийся сэр Реджинальд: он все еще разыскивает леди Вайолет.

ОРЛАНДО. А, опять он. Никак не найдет!

Сэр Реджинальд оглядывается по сторонам, растерянно смотрит на репортера и снова убегает.

ОРЛАНДО. Мда... странные, однако, слухи ходят о нашем баронете и его милейшей

супруге. Вы видели его? Как он взволнован, не правда ли?

Звуки неземной музыки, льющейся из какого-то люка, побуждают Орlando отправиться на поиски ее источника...

15. КУХНЯ "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ. ИСКУССТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

Музыкальная фонограмма

Под любопытными и скептическими взглядами судомоек, юнг и поваров оба маэстро Рубетти импровизируют "концерт для стеклянных сосудов", водя пальцами по краю наполненных водой бокалов.

Привлеченный этими звуками, Орlando по крутой винтовой лесенке спускается в кухню.

Фон Руперт тоже решает принять участие в концерте, используя ложечки и регулируя уровень жидкости в других бокалах.

Директор Парижской оперы аккуратно отливает воду из двух бутылок.

Охваченный веселым любопытством, Орlando тихонько приближается и, чтобы не мешать исполнителям, устраивается рядом с клетками для кур.

Теперь к "концерту" добавляются еще и звуки, которые извлекает директор Парижской оперы, дуя в полупустые бутылки.

Мелодия захватила всех присутствующих: в ее ритме мешают что-то в своих котлах повара, колышут бедрами судомойки.

Рикотэн - он ведь клоун! - взяв в руки поварешку, начинает дирижировать оркестром, а потом, разыгрывая пантомиму, мешает поварешкой питье в несуществующем сосуде.

Концерт близится к концу. Один из старичков явно недоволен.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Но здесь фа звучит фальшиво... Разве ты не слышишь?

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Что значит "фальшиво"? Послушай, какая чистая нота!

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Нет! Нет!

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Если убавить хоть каплю воды, это уже будет не то... будет совсем другая нота!

Орlando подходит к старичкам и, стараясь их примирить, с восторгом пожимает обоим руки.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Нет, нет и нет, здесь звук должен понижаться... а он не понижается, тебе медведь на ухо наступил, вот ты и заладил свое "па-па-па-па" все выше и выше, осел ты этакий... а нужно понижать... здесь фа бемоль. Бемоль!

Но тем, кто хлопочет у плиты, этот спор непонятен. Все весело и восторженно аплодируют.

Кое-кому, однако, не до развлечений. Сэр Реджинальд, отведав в сторонку усатого официанта, стоящего перед ним навтыжку, хлещет его по лицу перчатками, затем, истерически хихикнув, с удвоенной силой проделывает эту унижительную процедуру еще раз. Но в царящей здесь веселой суматохе никто ничего не замечает.

16. "ГЛОРИЯ Н." В ОТКРЫТОМ МОРЕ. ДЕНЬ

Из сточных клюзов по черному борту судна струятся потоки густой жижи и, достигнув воды, смешиваются с пенящимися волнами.

17. ВЕРХНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ЗАКАТ

Обе певицы меццо-сопрано, стоя спиной к объективу, любуются закатом.

Инес Руффо Сальтини мелодраматически-восторженно делится с подругой впечатлениями:

- Ах, что за чудо! Все как нарисованное! - Потом, обернувшись, тем же тоном восклицает: - О, это просто невозможно! Посмотри же, Тереза, луна! Солнце и луна одновременно!

Действительно, с противоположной стороны светится луна и небо гораздо темнее, почти как вечером.

На палубе пассажиры "Глории Н." вперемешку с офицерами экипажа коротают время в приятных беседах.

Капитан распространяется о музыке.

КАПИТАН. Когда исполняют увертюру к "Севильскому цирюльнику", например, у меня мурашки по спине бегут...

Сэр Реджинальд, нашедший наконец жену, блистает своими познаниями в области астрономии:

- Это Андромеда... А вон та маленькая звездочка справа, рядом с созвездием Ориона, открыта всего пятьдесят лет назад!

СУДОВОЙ ВРАЧ. Совершенно верно, сэр Реджинальд! Похоже, вы нам читаете настоящую лекцию по астрономии!

Польщенный сэр Реджинальд, приобняв жену за плечи, поворачивает ее в нужном направлении.

СЭР РЕДЖИНАЛЬД. Эта звезда называется Кауда Павонис. Вон, серебристо-синяя. Видишь? А теперь стала изумрудной... ярко-оранжевой... И знаете, кто ее открыл? Один известный хирург, астроном-любитель... Угадайте, как его звали? Реджинальд!

Леди Вайолет, восхищенная, томно склоняет голову ему на грудь.

Орландо и дирижер Альбертини болтают, прогуливаясь рядышком по палубе. Репортер, пользуясь случаем, пытается выудить у такой важной персоны побольше всяких пикантных подробностей.

МАЭСТРО АЛЬБЕРТИНИ. Что ж, если отрешиться от мифа о великой певице, то надо сказать, она была очень впечатлительной, очень замкнутой девочкой. Казалось, ты просто обязан ей помочь, но потом... Вас, вероятно, интересует какой-нибудь случай из жизни Эдмеи? Вот эта дама - ее кузина; почему бы вам не поговорить с ней?..

Они как раз проходят мимо женщины в траурном одеянии, беседующей с капитаном.

КАПИТАН. В нашем городке был учитель пения, который весьма лестно отзывался о моих способностях... да-да, он говорил, что я мог бы петь на сцене. (Басовито смеется.)

Орландо подходит и здоровается за руку с беседующими.

ОРЛАНДО. Капитан...

КАПИТАН. Синьор Орландо...

По одному из железных трапов спускается Ильдебранда Куффари, и дирижер спешит ей навстречу. Взяв ее руки в свои, он восклицает:

- Что за дивное явление! С одной стороны струит свой холодный свет луна...

Дочка Куффари перебивает его, чтобы поздороваться, как подобает воспитанной девочке:

- Добрый вечер.

МАЭСТРО АЛЬБЕРТИНИ. Здравствуй, малышка!

ФУЧИЛЕТТО (громко кричит издали). О божественная!

Дирижер оркестра заканчивает наконец свой замысловатый комплимент:

- ...с другой стороны сияет солнце. Необыкновенно красиво! А между сияньем дня и сумраком ночи, между огнем и хладом - вы, Ильдебранда...

КУФФАРИ. Спасибо. Как поэтично...

МАЭСТРО АЛЬБЕРТИНИ. Позвольте составить вам компанию?

КУФФАРИ. НО ЗДЕСЬ ОЧЕНЬ СЫРО... (Плотнее закутывает шею норковым боа.)

Между тем кузина Эдмеи Тетуа продолжает рассказывать репортеру:

- С тех пор прошло тридцать лет, и мы с ней никогда больше не виделись. И вспомнить-то, по сути, нечего, простите... Ведь мы были совсем детьми...

ОРЛАНДО. Спасибо, все-таки кое-что я от вас узнал.

КУЗИНА ТЕТУА. Пожалуйста, пожалуйста...

С этими словами она удаляется навстречу второму офицеру, беседующему со своим коллегой.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Когда светит луна, он не может стоять на вахте, так как у него, видите ли, нервы не выдерживают. Во время дневной вахты, когда светит солнце, он

тоже не может находиться на палубе, потому что у него шелушится кожа. Зачем он вообще пошел в моряки? Чтобы забыть о своей несчастной любви? Иди тогда в шахтеры, в железнодорожники... на свете столько профессий...

Орландо, оставшись один, продолжает свой репортаж, предварительно ответив на чей-то поклон:

- Привет, привет! Что-то я не знаю тебя, приятель, хотя обязан говорить и о тебе, и еще о том толстяке... вон он - здороваюсь со мной.

Круглый, как воздушный шар, человек из группы пассажиров, опершись о борт, приветственно машет репортеру рукой.

ОРЛАНДО. Первый раз его вижу! Мда, странная все-таки у меня профессия!

Второй офицер продолжает жаловаться на матроса, который не желает ничего делать.

Капитан замечает:

- А мы напишем на него хорошенький рапорт.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Прежде хорошенький рапорт надо бы написать на его отца, министра, который подсунул нам своего сына...

Орландо, находящегося среди оживленно болтающих пассажиров, вдруг поражает необыкновенное зрелище: он видит молоденькую девушку в ореоле лучей позднего заката, словно сошедшую с полотна Боттичелли. Но не успевает Орландо ответить на

чью-то улыбку и оглядеться вокруг, чтобы решить, что еще нужно сделать, как прекрасное видение исчезает.

Остаются лишь мрак, окутавший уже всю палубу, черные силуэты пассажиров, слова, которыми они перебрасываются с офицерами.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Что прикажете делать с таким матросом? Взять его под арест?

КАПИТАН. Надо просто заглянуть в устав, черт побери!

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Да, а что скажет министр?

18. ОТКРЫТОЕ МОРЕ. НОЧЬ

Залитый огнями пароход, громко гудя, прорезает ночь.

19. БАР. НОЧЬ

Музыкальная фонограмма

Гости небольшими группками собрались в элегантно обставленном салоне. Склонившись над клавиатурой рояля, тапер обращается к одному из директоров оперного театра:

- Как можно не любить такую музыку?..

Орландо, погруженный в раздумья, сидит со своим стаканом у стойки бара.

Разговор идет главным образом о Тетуа.

ФИНАНСИСТ (за кадром). Она никогда не читала своих контрактов.

Фучилетто, ступая осторожно, чтобы никого не побеспокоить, направляется к дивану и тихонько спрашивает:

- Для меня местечко найдется?..

Но, проходя мимо Руффо Сальтини, не может удержаться, чтобы не задеть ее:

- Привет, толстуха, я без тебя жить не могу!..

А прислушавшись к тому, что говорит директор "Метрополитен-опера", с комической гримасой восклицает:

- Опять все то же! Опять сплошной елей! Скажете, нет?

ДИРЕКТОР "МЕТРОПОЛИТЕН-ОПЕРА". Казалось, практическая, реалистическая сторона дела оскорбляет ее до глубины души! Но при малейшем нарушении контракта она

цитировала на память все его пункты, не упуская ни единой детали и поражая этим даже собственных адвокатов!

ФИТЦМАЙЕР (со смехом). Однажды перед входом в театр она мне сказала: "Нельзя ли убрать с афиши мое имя?"

В разговор вступает музыкальный критик - маленький, в очках с толстыми линзами, весь какой-то нахохленный и углубленный в себя:

- Нет, по-моему, она отлично отдавала себе отчет в своей неотразимости. Ведь она покоряла каждого, кому приходилось иметь с ней дело!

ДИРЕКТОР "ЛА СКАЛА". Что ж, возможно, так и казалось, но все-таки она была ужасно не уверена в себе... и так боялась незнакомых людей...

ФУЧИЛЕТТО. А по-моему, пора кончать с этими сказками о робкой девочке. Хотя бы, пардон, из уважения к ней самой! Какая там робкая девочка! Ее же все боялись. Кроме меня...

ЖУРНАЛИСТКА БРЕНДА ХИЛТОН. Вы утверждаете, что она была агрессивной?

ФУЧИЛЕТТО. Она могла запустить в тебя чем попало. Что, скажете, она не швырялась вещами?!

РУФФО САЛЬТИНИ (за кадром). Аурелиано!

Появляется официант, разносящий напитки, и Фучилетто, понизив голос, спрашивает у него:

- А нельзя ли стаканчик красного?

ЛЕПОРИ (за кадром). Лично у меня с Эдмеей никогда никаких проблем не было...

ОФИЦИАНТ (Фучилетто). Разумеется, синьор.

ФУЧИЛЕТТО. Но только ламбруско. Идет?

ОФИЦИАНТ. Ламбруско.

ЛЕПОРИ. Она была прекрасной партнершей... И очень меня ценила. Именно это делало идеальным наше сотрудничество, так сказать. Она всегда говорила, что я лучший... лучший итальянский тенор.

Фучилетто по обыкновению игнорирует эту тираду и посылает воздушные поцелуи Руффо Сальтини.

ЖЕНА ЛЕПОРИ. Да-да. Тетуа мне всегда говорила, что cantar [петь (исп.)] с Сабатино Лепори - одно удовольствие!

МАМАША ФОН РУПЕРТА. В моем доме ее восхищала одна картина. "Когда я смотрю на нее, - говорила она, - мне хочется плакать". И на глазах у нее появлялись слезы.

Орландо, уже успевший захмелеть и завязать дружбу с барменом, спрашивает у него:

- А ты что же, любезный? Неужто тебе нечего рассказать? (Вновь поворачивается к гостям, чтобы выслушать очередную порцию воспоминаний.)

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Хочу рассказать один любопытный эпизод. Каждое

утро она обычно съедала маленькую норвежскую... селедочку... Чтобы лучше звучал голос... (Он притрагивается к горлу. Тот же самый жест, словно в зеркале, повторяет его коллега.) И делала так всегда. Правда, правда!

Орландо, чуть пошатываясь и держа стакан в руке, все никак не оторвется от стойки бара. Вдруг его внимание привлекает что-то по ту сторону окон, на палубе,

залитой голубоватым лунным светом. Там в эффектной трагической позе стоит граф ди Бассано, словно совершая в одиночестве какой-то таинственный ритуал в честь романтического светила.

Между тем директор "Ла Скала" тоже хочет внести свою лепту в разговор о певице и припомнить какую-нибудь курьезную историю вроде тех, что наперебой рассказывают присутствующие.

ДИРЕКТОР "ЛА СКАЛА". Но самое поразительное из всего то, что в последнем акте "Травиаты" у нее действительно повышалась температура: происходило полнейшее отождествление с образом Виолетты!

20. КОРИДОР ПАССАЖИРСКОЙ ПАЛУБЫ. НОЧЬ

Все двери в длинном коридоре закрыты.

Пассажиры разошлись наконец по своим каютам.

21. КАЮТА КУФФАРИ. НОЧЬ

У матери и дочери общая каюта. Обе лежат в своих постелях, но еще не спят. Ильдебранда с разметавшимися по подушке черными волосами и с открытыми глазами о чем-то тревожно думает. Девочка, слегка приподнявшись, спрашивает:

- Мама, а ты любила эту... Тетуа?

В блеснувших глазах певицы промелькнуло что-то вроде страха.

Не дождавшись ответа, девочка откидывается на подушку и закрывает глаза.

22. КАЮТА БРАТЬЕВ РУБЕТТИ. НОЧЬ

Обоих старичков уже одолевает сон. У первого, лежащего на постели, выскользывает из рук раскрытая книга. Второй сидит на стуле со смычком и скрипкой в руках; он неподвижен, словно восковая фигура.

23. КОРИДОР. ДВЕРИ КАЮТ. НОЧЬ

Сэр Реджинальд, идущий по коридору решительным шагом, вдруг резко останавливается.

Из его каюты выходит матрос; надвинув на лоб бескозырку, он взлетает по железному трапу и исчезает из виду.

Когда растерянный баронет протягивает руку, чтобы постучать, дверь каюты открывается, и из-за нее выглядывает горничная - стройная негрятяночка; вздрогнув от неожиданности, она замирает на пороге и с трудом выдавливает из себя:

- Good evening, Sir... Good night, Sir [Добрый вечер, сэра... Спокойной ночи, сэра (англ.)]. - Затем, повернувшись, тихонько уходит.

24. КАЮТА СЭРА РЕДЖИНАЛЬДА. НОЧЬ

Охваченный странным волнением, с замирающим сердцем сэр Реджинальд заходит в каюту. Оглядевшись, он подкрадывается к широкой, наполовину раскрытой двухспальной кровати и, потянув носом воздух, начинает истерически смеяться. В состоянии какой-то лихорадочной взвинченности, не сняв даже пальто, он опускается в кресло и ждет.

На полу, рядом с туалетным столиком, стоят сапожки жены. Подобрал один из них, сэр Реджинальд нежно гладит его и, нервически хихикая, громко говорит:

- Ну что, удачный у тебя сегодня вечерок, а? Я чуть не налетел на этого типа, когда он выходил из нашей каюты. Ну расскажи, расскажи... Хоть стоящий попался?

Костяшками пальцев он стучит в дверь, возле которой стоит кресло. Это дверь ванной.

- Вайолет! Отвечай!..

Дверь распахивается, из нее выходит леди Вайолет и направляется к постели.

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. О, я чувствую, что сегодня сразу усну - так спать хочется.

СЭР РЕДЖИНАЛЬД. Довольно! Я хочу знать все! Ты этого типа еще на пристани заметила, не так ли?

Леди Вайолет в своем длинном белом пеньюаре и в кружевном чепчике похожа на маленькую девочку. К тому же среди подушек ее дожидается плюшевый медвежонок. Она берет его в руки и целует, как обычно девочки целуют любимую куклу.

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. Реджинальд, будь паинькой, я спать хочу!.. Этот человек приходил чинить лампу. Там что-то испортилось...

СЭР РЕДЖИНАЛЬД. Какая недостойная ложь, Вайолет...

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. Но ты же знаешь, как я боюсь темноты!

Взяв в руки шнур с выключателем, она гасит свет. Лишь за занавесками голубовато мерцают иллюминаторы...

25. КАЮТА ГРАФА ДИ БАССАНО. НОЧЬ

Граф ди Бассано, все еще охваченный экстазом идолопоклонничества, никак не может успокоиться и лечь в постель. Он рассматривает альбом с фотографиями. Снимки, на которых запечатлена божественная Тетуа, этот преданный ее обожатель комментирует ужасно нудными восхвалениями.

ГРАФ ДИ БАССАНО. Феномен вокала... божественный голос... сто певиц в одной... (Подходит к своеобразному домашнему алтарю, на котором расставлены фотографии, гипсовый бюст певицы и прочие реликвии.) Сколько эпитетов, сколько слов... Сколько историй написано о тебе. Но ни одна из них не может передать, какой ты была на самом деле. (Нежно проводит рукой по свежему цветку, красующемуся в центре алтарика.) Твой любимый цветок. Ты, как и прежде, будешь получать его каждый день. Никто и никогда не мог разгадать тебя, любимая. Кто ты - знаю один лишь я.

(Направляется в другой угол каюты мимо надетых на манекены, словно в музей, дорогих театральных костюмов певицы.) Ты - девочка, вышедшая из моря. Помнишь стихотворение, которое я тебе посвятил? Ты рождена морем, будто богиня.

С этими словами верный жрец культа Тетуа включает портативный кинопроектор.

На белом полотняном экране, натянутом среди всех этих реликвий, перед нами проходят кадры из жизни великой певицы.

Вот Тетуа идет по аллее парка. На ней соломенная шляпа. Приблизившись к объективу, певица начинает гримасничать и скашивает глаза к носу; вот она на козлах экипажа; на лодке с приятельницей и кудрявым гребцом; за окном международного вагона; отвечает на приветствия толпы, собравшейся на перроне; после представления раскланивается перед восторженной публикой с авансцены известного театра.

Глядя на эти кадры, граф ди Бассано изнемогает от сладострастия.

Вдруг непонятный шум отвлекает его от этого интимного ночного ритуала.

Он открывает дверь каюты и, стоя на пороге, спрашивает:

- Кто там?

26. КОРИДОР "ГЛОРИИ Н.". НОЧЬ

Дверь каюты графа ди Бассано открывается в коридор, где старая фрейлина принцессы Леринии делает предупреждающие знаки.

ФРЕЙЛИНА. Тссс!

И указывает вперед, в глубину коридора: там принцесса Гогенцуллер идет одна по красной ковровой дорожке, лишь слегка постукивая впереди себя палкой.

Орландо, накинувший перед сном халат, выставляет за дверь каюты свои ботинки и видит, как к нему приближается эта исполненная благородства и такая трогательная фигура.

Он даже слегка выпячивает грудь, когда принцесса, остановившись перед ним, спрашивает по-немецки:

- Кто здесь?

ОРЛАНДО. Гм-гм, Ваше высочество... это я... простой журналист...

Принцесса, улыбнувшись и вперив в пустоту незрячие глаза, роняет:

- Простите...

И продолжает свой путь, удаляясь несколько неуверенной, но полной достоинства походкой.

ОРЛАНДО (бормочет ей вслед). Спокойной ночи.

Фрейлина, поравнявшись с Орландо, говорит ему с подчеркнутой учтивостью:

- Благодарю вас.

Орландо вежливо и понимающе откликается:

- Да за что же...

Он провожает глазами обеих женщин, пока те не скрываются за поворотом. Затем, посмотрев в противоположную сторону, встречается взглядом с ди Бассано, тоже наблюдавшим за этой сценой из дверей своей каюты.

Орландо улыбается ему, но граф, не ответив на улыбку, уходит к себе.

Журналист задерживается на несколько мгновений в коридоре и, вертя в руках очки, сообщает:

- Граф ди Бассано. Он у нас... романтик. Большой романтик... Все знают, что на протяжении многих лет он каждый вечер приносил ей очень редкий цветок... Rubens Pistilla... Вы видели этот цветок у него в каюте, помните? И все-таки я убежден, что он никогда ее не любил. Быть может, он влюбился в нее только теперь... после ее смерти. Сомнительный субъект, право сомнительный. Он взялся за создание ее музея и под этим предлогом... ухитрился много лет жить у нее на содержании! Вот так! (Уходит в свою каюту.)

27. КАЮТА ОРЛАНДО. НОЧЬ

Орландо закрывает дверь и направляется к письменному столу, заваленному листками бумаги, собирает их, садится и говорит, время от времени заглядывая в листки и читая:

- Это так, ничего... просто записи, которые я делал для своего дневника... "Я все пишу, рассказываю, но о чем все-таки я хочу рассказать?... О морском путешествии? Или о путешествии по жизни? Но о нем ведь не расскажешь... его совершаешь, и одного этого уже довольно". (Оторвав взгляд от текста.) Банально, да? Об этом уже столько писали. И лучше, чем я! (Резко поднимается, с яростью в голосе.) Но ведь все уже сказано! И сделано тоже все! (На тумбочке рядом с фотографией Гарибальди стоит бутылка. Он наполняет стакан раз, потом другой.) А вот о том, что я только что просадил в карты двести пятнадцать франков, не сказал еще никто! И заплатить их надо, не сходя с парохода!

С полным стаканом он проходит в ванную; после минутного колебания выплескивает вино в раковину и разглядывает свое отражение в большом овальном зеркале. Затем возвращается в каюту и, закрыв за собой дверь ванной, со вздохом произносит:

- Пожалуй, хватит пить!

С минуту он ходит взад-вперед по каюте, как зверь в клетке, потом плюхается в кресло.

И снова обращается к зрителям:

- Ну ладно, до завтра... завтра состоится традиционный... - Здесь его одолевает зевота, сулящая наконец приход желанного сна. - ...простите... завтра капитан...

поведет пассажиров осматривать судно.

В заключение своей речи он машет нам на прощание рукой, и жест этот исполнен такой же сердечности и теплоты, как и его лицо, его улыбка.

28. КОТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ "ГЛОРИИ Н.". ИСКУССТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

Среди куч угля, клубов дыма и раскаленных котлов снуют кочегары; в этом аду они еще яростно переругиваются.

ПЕРВЫЙ КОЧЕГАР. Таких, как ты, двадцать на дюжину дают. В гробу я тебя видал!

ВТОРОЙ КОЧЕГАР (перебивая). А ну-ка отвали, а то, не ровен час, в топку у меня загремишь!

ПЕРВЫЙ КОЧЕГАР. Да я из тебя сейчас вот этой лопатой отбивную сделаю! Псих несчастный!

ВТОРОЙ КОЧЕГАР. Ах ты, проклятая рожа!

Под самым потолком огромного котельного отделения через открывшуюся металлическую дверь на узкий мостик выходят первые посетители: судовой врач, офицер и обе певицы меццо-сопрано.

СУДОВОЙ ВРАЧ. Ну вот мы с вами и в знаменитом котельном отделении... Что такое, что случилось?

Валеньяни уже ступила на мостик и, хотя с обеих сторон ее поддерживают врач и второй офицер, сразу же стала жаловаться на дурноту:

- Уведите меня отсюда, мне плохо, кружится голова, я сейчас упаду!

СУДОВОЙ ВРАЧ. Да нет же, дайте мне руку, и не нужно ничего себе внушать, синьора.

В мрачной глубине гигантского котельного отделения, двумя десятками метров ниже, черные от копоти кочегары непрерывно поддерживают жаркий огонь, все подбрасывая и подбрасывая уголь в топку. Кто-то из них запрокидывает голову и смотрит на мостик, где уже собралось немало пассажиров. Его любопытство передается остальным кочегарам; в конце концов они сбиваются в кучу на виду у артистов и почтительно стягивают с головы грязные береты.

Певцы стоят вдоль поручней мостика и сдержанно отвечают на приветствие. Слов не слышно из-за ужасного грохота - приходится кричать.

Второй офицер пытается что-то объяснить Орландо:

- Вон под тем большим котлом и еще вот под этим топку никогда не гасят!

ОРЛАНДО. Сколько же часов они здесь проводят?!

ПАРТЕКСАНО. Они так привыкли к этой обстановке, что на свежем воздухе им не по себе. (Усмехается.)

Из глубины котельного отделения кто-то обращается к группе экскурсантов. Это Паскуале.

- Господин капитан, мы все очень просим...

Подобная смелость не нравится капитану, и он раздраженно кричит:

- Что там еще?

ПАСКУАЛЕ. ...чтобы синьора Куффари спела.

Ильдебранда Куффари, отрешенная, величественная, в надвинутой на лоб шляпке, стоит как раз рядом с капитаном.

КАПИТАН. Кричи громче!

ДРУГОЙ КОЧЕГАР. Мы хотим послушать, как поет синьора Куффари!

Теперь уже практически все кочегары собрались под мостиком, на котором стоят певцы.

Эта просьба вызывает замешательство.

КАПИТАН. Ты что, совсем спятил?

КОНЦЕРТМЕЙСТЕР. Это же невозможно!

ОРЛАНДО. Да вы ее здесь и не услышите.

Но кочегары понимают, что такой случай больше не повторится, и настаивают.

ВТОРОЙ КОЧЕГАР. Прекрасная синьора, спойте нам что-нибудь!

ТРЕТИЙ КОЧЕГАР. Уж будьте так добры, синьора, уважьте нас!

На мостике растерянно молчат. И в то же время певцы польщены просьбой кочегаров.

Куффари колеблется.

Лепори уже представляет себе, какую овацию ему здесь устроят.

Но первым ломает лед необузданный Фучилетто: он исполняет вокализ.

Музыкальная фонограмма

Довольные кочегары аплодируют.

Сияющий Фучилетто выдает еще одно коротенькое соло.

И снова из чрева котельного отделения до мостика доносятся восторженные аплодисменты.

Здесь же, на мостике, аплодирует Партексано.

Теперь демонстрирует свой лирический тенор Сабатино Лепори; он удостоивается аплодисментов самого капитана.

КАПИТАН. Ух ты! Вот это дыхание! Bravo!

Фучилетто, надеясь еще раз сорвать аплодисменты, с жаром подхватывает мелодию.

Сама Куффари уже готова сдаться. Она смотрит на своего белокурого секретаря, словно ища у него поддержки. Но петь пока не решается.

Зато Руффо Сальтини, опередив ее, вдохновенно поет дуэтом с Валеньяни.

Партексано восхищенно аплодирует и кричит:

- Bravo! Замечательно!

И тут Куффари не может больше сдерживаться; набрав полную грудь воздуха, она "на раздутых парусах" вступает в состязание.

Перед зачарованными кочегарами разыгрывается целый спектакль: за Куффари следует

Фучилетто, за Фучилетто - Лепори, за Лепори - опять Куффари, за ней - Руффо Сальтини, а потом Валеньяни, снова Фучилетто, Лепори, Куффари...

Это настоящий праздник. От пылающих топок к мостику несется буря аплодисментов, кочегары хлопают в ладоши и машут беретками. Ликование не прекращается до тех пор, пока певцы гуськом не уходят с мостика, перекинутого на головокружительной высоте.

29. ТРЮМ "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Экскурсия по судну продолжается.

В трюме парохода среди куч сена лежит огромное животное - носорог; ему явно нездоровится. Приставленный к нему служитель прерывающимся от слез голосом уныло

рассказывает на непонятном языке свою жалостную историю. Гости сгрудились вокруг загородки.

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР. Этот служитель - турок. Он очень привязан к животному.

Директор "Ла Скала", обмахиваясь платком, замечает:

- Ну и вонища!

ОФИЦЕР ЭСПОЗИТО. Он говорит, что с самого отплытия носорог не съел ни травинки! Совершенно отказывается от пищи!

Служитель, стоя на коленях рядом с животным и не переставая всхлипывать, говорит, что носорогу нужен свежий воздух. В разговор, смеясь, вступает судовой врач:

- Ну да! Только кто рискнет прогуляться с ним по палубе?

ДИРЕКТОР "ЛА СКАЛА". А как же вы его лечите?

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР. Позавчера служитель заявил, что зверюга, видите ли, влюблена.

ОФИЦЕР ЭСПОЗИТО. Да, это правда. Он страдает от любовного томления и от ностальгии.

ДИРЕКТОР "МЕТРОПОЛИТЕН-ОПЕРА". Интересно, что за ностальгия у носорога!

КОНЦЕРТМЕЙСТЕР. Как его зовут? Есть у него какая-нибудь кличка?

ФУЧИЛЕТТО. Вы только посмотрите, он же совсем скис! Друзья, вы что, никогда его не моете? Эй, приятель, тебе плохо, да?

ПАРТЕКСАНО. Ну как, синьора, голова у вас перестала кружиться?

Валеньяни уже успела стать предметом его неусыпного внимания.

А репортера больше интересует состояние животного.

ОРЛАНДО. Похоже, ему так же худо, как мне было вчера вечером. Может, он пьян?

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Все животные, оказавшись на судне, страдают от килевой и бортовой качки. К тому же они очень плохо переносят разлуку с соседями по клетке.

Между Куффари и ее секретарем назревает ссора.

КУФФАРИ. Ты просто глуп! Я хочу уйти. Уведите меня отсюда.

СЕКРЕТАРЬ КУФФАРИ. Как тебе угодно... (Офицеру.) Простите...

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Слушаю вас...

СЕКРЕТАРЬ КУФФАРИ. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы нас отсюда вывели.

ПОМОЩНИК КАПИТАНА (Орландо, с которым он только что беседовал). Прошу прощения...

(Секретарю Куффари.) Я сам вас провожу.

Капитан между тем рассказывает гостям историю носорога:

- Я уже говорил, что мы погрузили это милое существо в Генуе и должны доставить его в Амстердам... С этими толстокожими на борту всегда столько хлопот...

ПАРТЕКСАНО. Но этот такой хороший!

КАПИТАН. А вы помните, синьор Партексано, как мы везли слона?

ПАРТЕКСАНО. Нет...

КАПИТАН. Кажется, я тогда командовал "Алкионом"?

ПАРТЕКСАНО. Не могу знать...

КАПИТАН. Нет-нет! Судно называлось "Город Брешиа". Так вот, во время плавания какому-то мышонку пришла в голову идея нанести визит нашему слону. И эта громада пришла в такой ужас! Слон порвал цепи и сбросил в море двоих матросов.

Он заразительно смеется; все смеются вместе с ним.

Невесело, кажется, одному только носорогу. Вид у него такой несчастный.

РУФФО САЛЬТИНИ. А что, здесь тоже есть мыши?

КАПИТАН. Увы, милая синьора, мыши - наши неизбежные спутники... Они любят путешествовать по морям.

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Но носорог вроде бы относится к мышам спокойно.

КАПИТАН. Между прочим, этот носорог - самка.

РУФФО САЛЬТИНИ. И что из того?

КАПИТАН. Самки терпимее самцов и спокойнее.

Фучилетто всяческими гримасами и причмокиваниями пытается привлечь к себе внимание животного.

Служитель-турок выглядит еще более жалким и несчастным, чем носорог.

ФУЧИЛЕТТО. Ну конечно! Носорог влюбился. И вот вам результат!

В этот момент к загородке приближается девушка, которую прошлым вечером во время прогулки по верхней палубе Орландо принял за прекрасное видение.

Музыкальный критик в очках с толстыми линзами изрекает:

- Любовь - как уничтожение, как декаданс...

ФУЧИЛЕТТО. Да ну! Скажете тоже! Когда я влюбляюсь, откуда только силы берутся, я прибавляю в весе, меня становится вдвое больше... Любовь - это здоровье!

Орландо заметил девушку; она заметила его. Их взгляды встретились. Оба улыбаются.

Орландо просто тает от удовольствия. Облокотившись о загородку и подперев щеку ладонью, он бормочет:

- Интересно, кто она?..

А девушка (ее зовут Доротея), повернув свое ангельское личико к измученному носорогу, шепчет:

- Он влюблен. Бедненький...

30. ОТКРЫТОЕ МОРЕ. ВЕЧЕР

"Глория Н." мощно разрезает морскую гладь. И вновь наступает вечер.

31. СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ НА БОРТУ СУДНА. НОЧЬ

Сначала мы разглядываем спортивный зал через стекла иллюминатора.

Потом съемка ведется уже в самом зале, где Орландо в костюме для фехтования делает, за неимением противника, несколько выпадов рапирой вхолостую.

ОРЛАНДО. Оп, оп... Берегитесь, синьор! Ага! Касание! Оп! А теперь...

Но в одиночестве он пребывает недолго. Два человека в черном, мягко ступая, проходят в зал, хватают журналиста за плечи и валят его на песок в секторе для прыжков.

ОРЛАНДО. Оп! Оп... Кто это? На помощь!

А это телохранители Великого герцога.

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ. Не шевелиться! Ты зачем сюда забрался? Не двигаться! Так что ты задумал? (Срывают с Орландо защитную маску.)

ОРЛАНДО (пытаясь вырваться). Пустите! Мне же больно! Сейчас я вам все объясню. Я журналист...

В это время в проеме металлической двери показываются две важные особы из свиты Великого герцога; генерал проходит вперед, а премьер-министр останавливается на пороге, закрывая дверь своим телом.

ГЕНЕРАЛ. Что здесь происходит? Ни с места!

ОРЛАНДО. Мне пришлось прибегнуть к этой уловке... ой!.. чтобы встретиться с Великим герцогом. Мне нужно взять у него интервью. Вы не можете мне помочь?

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Мы застали его здесь, он притворялся, будто фехтует. Оружия при нем нет, не думаю, чтобы он был опасен, но непонятно, что он здесь делает.

ПЕРЕВОДЧИК. Этот человек утверждает, что он журналист и хочет взять интервью у Великого герцога.

Объяснение это адресовано начальнику полиции, стоящему над Орландо, которого все еще прижимают к полу два молодчика в черном.

ОРЛАНДО. Послушайте, я почетный... пассажир этого судна. И к тому же известный журналист! Журналист, стремящийся как можно лучше выполнить свой профессиональный долг, который состоит в том, чтобы информировать читателей обо всем, что делается сегодня в мире!

Премьер-министр проходит вперед, а генерал раздражается гневной тирадой по-немецки:

- Я заявлю наш протест капитану. Журналист на судне! Это чрезвычайно опасно!..

Начальник полиции по-венгерски излагает смысл происходящего премьер-министру:

- Это журналист, он просит разрешения взять интервью у Великого герцога.

Понимающе улыбаясь, премьер-министр со свойственной ему вкрадчивой повадкой "серого

кардинала" возвращается к двери и вводит в зал Великого герцога, давая ему на ходу пояснения по-немецки:

- Ваше высочество, тут один итальянский журналист, которому удалось получить разрешение находиться в зале в это время. Он хочет задать вам всего несколько вопросов.

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. А все-таки этот тип подозрителен...

Великий герцог, розовощекий и толстый, решительным шагом направляется к спортивным снарядам.

Орландо обращается к нему:

- Ваше высочество!

Надевая колет для фехтования, Великий герцог отдает распоряжения по-немецки:

- Хорошо, я дам ему интервью... Но только через переводчика.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (по-немецки). Отпустите его!

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ (по-венгерски). Отпустите его!

Оба агента отходят. Переводчик протягивает Орландо руку, помогая ему встать.

ПЕРЕВОДЧИК. Простите, пожалуйста.

ОРЛАНДО. Ничего, ничего...

Он направляется к Великому герцогу, но его вежливо останавливают на некотором расстоянии. Переводчик поясняет:

- Великий герцог даст вам интервью, но только через меня... Задавайте свои вопросы, а я буду переводить!

ОРЛАНДО. Спасибо.

ПЕРЕВОДЧИК. Можете начинать.

Юный Великий герцог Гогенцуллер между тем уже надел перчатку и, взяв в руки шпагу, гнет ее, проверяя на упругость.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ (по-немецки). Надо же, интервью! Знал бы он, что мне обо всем известно меньше, чем кому бы то ни было!

Орландо раскрывает свою записную книжку, откашливается и профессиональным тоном начинает:

- Мы слышали, что вы, Ваше высочество, были большим поклонником таланта несравненной Тетуа. И то, что вы... соблаговолили почтить ее память... своим августейшим присутствием, всех очень тронуло. Рассчитывая на вашу необыкновенную

чуткость, я позволю себе... попросить вас сказать несколько слов надежды и утешения тем, кто... как и мы, пребывает в полном неведении относительно того, что готовит нам судьба... и чувствует, какой угрозой чревата нынешняя международная обстановка.

ПЕРЕВОДЧИК. Спасибо. (Обращаясь к Великому герцогу, переводит сказанное на немецкий.) Итальянский журналист говорит, что лучшая часть человечества несчастна и, судя по всему, ждет, от вас слов утешения.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (по-немецки). Вот оно что! Но как именно он формулирует свой вопрос?

ПЕРЕВОДЧИК (Орландо). Он спрашивает, в чем суть вашего вопроса.

ОРЛАНДО. Я хотел бы узнать, как вы, Ваше высочество, расцениваете международную обстановку...

ПЕРЕВОДЧИК (по-немецки). Итальянский журналист желает узнать, что Ваше высочество думает о международной обстановке...

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ (по-немецки). Мы все находимся на склоне горы...

Переводчик переводит.

Начальник полиции, стоящий за спиной у Орландо, - своей суровостью и внушительностью он напоминает русского попа - включается в разговор.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ (по-венгерски). Простите, что я вмешиваюсь, но Великий герцог сказал... не на склоне горы... а на краю дыры... Вот. Ну и дальше...

ПЕРЕВОДЧИК. Граф Кунц поправляет меня. Он говорит, что Великий герцог сказал "дыра", а мне показалось - "гора".

ОРЛАНДО (благодарно и удивленно кивает начальнику полиции). Ага... Но о какой же все-таки дыре идет речь?

ПЕРЕВОДЧИК (по-немецки). Ваше высочество, вопрос такой: какую именно дыру вы имели в виду? Спасибо.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (по-немецки). Прошу прощения, Великий герцог употребил метафору, он сказал, что все мы сидим на склоне горы...

ПЕРЕВОДЧИК. Граф Гуппенбах говорит, что Великий герцог употребил метафору и что все дело не в словах "гора" или "дыра"... Хотя, по-моему, он все-таки сказал "на склоне горы".

Переводчик и начальник полиции начинают препираться на немецком и на венгерском.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. Он сказал "дыра", "дыра".

ПЕРЕВОДЧИК. Нет, "гора".

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. А я говорю - "дыра".

ПЕРЕВОДЧИК. "Гора"!

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. "Дыра", понимаете, дыра".

ПЕРЕВОДЧИК. Немецкий - мой второй родной язык. Он сказал "гора", "гора"!

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. Ichmerem a mandiar gnevlet esch a nemetet [а я говорю и по-немецки, и по-венгерски (искаж. венг.)].

Великий герцог и остальные члены свиты растерянно переглядываются.

ПЕРЕВОДЧИК. О господи!

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. "Дыра"!

В спор вмешивается Великий герцог, сопровождая свои слова выразительным жестом.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Пум! Пум! Пум! (По-немецки.) Переводи!

ПЕРЕВОДЧИК. Великий герцог говорит: "Пум, пум".

ОРЛАНДО. Что это означает?

ПЕРЕВОДЧИК. Думаю, что таким образом Его высочество хочет сказать...

ОРЛАНДО. Может быть, что Тройственный союз... намерен отказаться от взятых на себя обязательств? Вы хотите бросить Италию на произвол судьбы? И притом - трагической?

ПЕРЕВОДЧИК (за кадром, по-немецки). Ваше высочество, журналист спрашивает...

Но терпение Его высочества лопається; передав шпагу одному из слуг, он подходит к Орландо.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ (очень решительно и четко). Пум! Пум! Пум!

Переводчик. Великий герцог говорит: "Пум, пум".

Орландо задумывается, а потом вдруг начинает понимать, в чем дело.

ОРЛАНДО. Пум... пум... пум... Дыра в горе! (Смеется.) Да это же кратер вулкана! Мы все сейчас как на вулкане! Очень точно! Теперь я понимаю! Какой ужас... Спасибо! Спасибо! Дыра в горе! Да, это катастрофа!

Его неожиданная и совершенно неоправданная веселость передается всей свите Великого герцога.

Сам Великий герцог тоже радостно смеется, надевая маску, чтобы приступить к поединку на шпагах.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (по-немецки). Интервью окончено.

ПЕРЕВОДЧИК. Интервью завершено.

Орландо вежливо просят покинуть зал. Что он охотно и делает.

ОРЛАНДО. Разумеется, разумеется. Благодарю вас, Ваше высочество. До свидания, господа.

Захлопнув свой блокнот, Орландо решительным шагом выходит из спортивного зала.

32. САЛОН-БАР "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Ильдебранда Куффари, сидя на одном из красных диванов гостиной, слушает, что ей говорит дирижер.

Маэстро Альбертини (сначала за кадром, затем в кадре). Я хотел бы сыграть вам одну вещь, которую вы, конечно, знаете... Мне кажется, Ильдебранда, она о вас, в ней я вижу ваш портрет. Вы позволите?

Куффари. Прошу вас.

Маэстро Альбертини садится за рояль и начинает играть.

Музыкальная фонограмма

Куффари слушает, пряча свое тонкое чувственное лицо в белый пушистый палантин,

окутывающий ее шею.

За стеклами салона появляются другие пассажиры.

Прежде всего - дочь Куффари, которая говорит кому-то:

- Как это я не умею плавать? Умею, и очень даже хорошо! - Потом, заметив, что в салоне сидит мать, она подзывает стоящих поблизости секретаря и концертмейстера:

- Идите сюда, идите, посмотрите! Посмотрите на маму!

Фотограф со своим аппаратом на треноге готовится сфотографировать Лепори и его жену, уже ставших "в позу".

Тенор, увидев коллегу через стекло, приветствует ее с показной сердечностью:

- Привет, дорогая!

ЖЕНА ЛЕПОРИ. Сабатино, стань слева, вот здесь... Ну что ты делаешь! Закутайся шарфом!

С этими словами она быстро прикрывает шарфом шею мужа, который хотел выглядеть перед объективом более непринужденно.

ФОТОГРАФ (за кадром). Нет-нет, шарф должен ниспадать небрежно, синьор Лепори!

ЖЕНА ЛЕПОРИ. Нельзя! У него очень чувствительное горло!

Куффари, продумавшая между тем предложение маэстро Альбертини, встает и направляется к роялю.

КУФФАРИ. Что ж, давайте попробуем, маэстро!

И она начинает петь, приводя в совершенный восторг бармена, внимание которого отвлекает от певицы стоящий за окном Орландо: выразительным жестом, оттопырив мизинец и большой палец, он дает бармену понять, как ему хочется выпить.

33. ВЕРХНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

В ожидании выпивки Орландо, приветливо улыбнувшись белокурому секретарю Куффари, опирается о перила рядом с ним.

Море у горизонта сливается с затянутым свинцовыми тучами небом.

БАРМЕН. Синьор Орландо...

Репортер встречает расторопного бармена с искренней признательностью.

ОРЛАНДО. Душа моя! Вот спасибо!

Обхватив желанный стакан ладонями, он возобновляет свой репортаж:

- Итак, мы с вами путешествуем уже второй день, и все идет своим чередом. Пассажиры фотографируются, чтобы навсегда запечатлеть эти памятные мгновения. Нашему тенору Фучилетто хотелось бы стать дельфином, а обоим маэстро - китобоями...

Чуть подальше Фучилетто, перегнувшись через перила и демонстрируя свой неумный романьольский темперамент, развлекает других пассажиров.

ФУЧИЛЕТТО (сначала за кадром, потом в кадре). Их уже два! Нет, три! Четыре! Вон там, смотрите, смотрите!..

СУДОВОЙ ВРАЧ. Да тут целая стая дельфинов!

РУФФО САЛЬТИНИ. Глядите, как прыгает вон тот! Это правда, что дельфины любят пение?

СУДОВОЙ ВРАЧ. И певиц...

ФУЧИЛЕТТО. Да вы взгляните только, какой резвый! Совсем как я, когда мне удается заманить в постель какую-нибудь шведочку! Говорят, дельфины умнее некоторых матросов.

Оба маэстро Рубетти фотографируются рядом с кормовым штурвалом, надев на себя одолженные у юнг парусиновые робы.

А супруги Донгби предпочитают сняться на фоне моря. Леди Вайолет подходит к мужу, который уже стал у фальшборта.

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ (сокрушенно). Я так плохо получаюсь на фотографиях.

Сэр Реджинальд обнимает ее за плечи и притягивает к себе... на глазах у двух матросов, не случайно задержавшихся возле какой-то двери.

ОРЛАНДО (за кадром). У морских путешествий есть одна особенность: через день-другой тебе начинает казаться, что ты плывешь уже бог весть сколько времени и знаком с попутчиками давным-давно.

Свита Великого герцога тоже собралась в полном составе, чтобы сфотографироваться на память.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (Великому герцогу, по-немецки). Капитан вам чрезвычайно признателен.

Юный Великий герцог, направляясь к капитану, отпускает шуточку в адрес своего генерала.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ (по-немецки). Вы уже поправили свой грим, генерал? Тогда пошли! Капитан!

Пожимает руку капитану. То же делает и генерал.

ГЕНЕРАЛ. Guten Tag, капитан.

КАПИТАН. Ваше высочество!.. Guten Tag, mein General! [Здравствуйте, мой генерал! (нем.)]

Великий герцог и генерал устраиваются в первом ряду, чтобы сняться вместе с экипажем.

ГЕНЕРАЛ (по-немецки). Я очень не люблю фотографироваться: на снимках я выгляжу лет на десять старше.

ФОТОГРАФ. Прошу всех не шевелиться! Одну минуточку. Смотрите сюда, пожалуйста...

Все готовы?

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Мой дедушка обожал свои портреты. Чуть не полжизни он провел, позируя художникам!

КАПИТАН. Да, в те времена позировать приходилось подольше, чем теперь!

ФОТОГРАФ. Wunderbar [прекрасно (нем.)], Ваше высочество!

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Так хорошо?

Фрейлины принцессы Леринии прогуливаются по палубе, разговаривая по-немецки.

Слепая принцесса стоит, опершись о перила; на лице ее блуждает слабая улыбка.

Увидев, что она одна, премьер-министр, сияя, спешит составить ей компанию. Став с ней рядом, он после некоторых колебаний робко протягивает свою руку к руке принцессы и слегка пожимает ее.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Насколько счастливее стал бы наш народ, будь власть в этих нежных руках... Мы все ждем этого дня.

Принцесса не отвечает.

Но сцена эта не ускользает от внимания вездесущего начальника полиции.

Наступил черед фотографироваться девушке-видению, юной и прекрасной Доротее, которая стоит перед объективом с мамой и папой.

Орландо в умилении наблюдает эту сцену.

ДОРОТЕЯ (поворачиваясь к отцу). Улыбнись, папа.

ОТЕЦ ДОРОТЕИ. Я улыбаюсь.

Чтобы полюбоваться Доротеей, Орландо на мгновение прервал игру в карты с Рикотэном и еще двумя гостями.

Рикотэн залиvisto смеется: он выигрывает.

Совсем в ином настроении банкир, которому не нравится, что журналист отвлекся.

БАНКИР. Почему-то, когда сдаете вы, мы обязательно проигрываем!

Другая группа гостей, возглавляемая знаменитым русским басом, придумала для себя новое развлечение. Музыкальный критик - он тоже в этой компании пытается заманить и Орландо.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРИТИК. Синьор Орландо, нам нужен представитель печати! Идемте с нами. Наш русский друг утверждает, будто своим глубоким басом он способен вызвать приступ каталепсии.

ОРЛАНДО (за кадром). Что вы говорите?! Тогда я, конечно, с вами.

34. КУХНЯ "ГЛОРИИ Н.". ИСКУССТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

В кухне царит обычная суматоха, но нашу компанию это обстоятельство мало беспокоит.

ОРЛАНДО. Добрый день, добрый день всем присутствующим!

ПОВАРА. Здравствуйте!

Бас Зилоев - он впереди всех - требует своим низким голосом:

- Здравствуйте. Курицу! Пожалуйста!

ОДИН ИЗ ПОВАРОВ. Что?

ЗИЛОЕВ. Живую курицу!

Краснощекий поваренок растерянно смотрит на повара.

ПОВАРЕНОК. Он хочет живую курицу!

ПОВАР ДЖАЧИНТО. Кто?

Вмешивается Орландо и все разъясняет:

- Да, дорогие друзья, простите, что мы прервали вашу чрезвычайно важную деятельность на гастрономическом поприще, но нам действительно нужна курица... Для одного эксперимента...

Зилоев, оглядевшись по сторонам, выбирает подходящее место - огромный стол, заваленный зеленью и прочей снедью. Затем, наклонившись, он резко сдвигает в сторону тяжелую доску для разделки мяса.

ЗИЛОЕВ. Поставим ее вот сюда...

ОРЛАНДО. Эксперимент несколько необычный, но очень важный, и вы все будете при нем присутствовать... О... капитан нам разрешил...

ПОВАР. Ну так берите. Вот они, куры.

Орландо. Я не хочу заранее раскрывать секрет ЭКСПЕРИМЕНТА: если он удастся, это будет такой сюрприз!

Несмотря на интригующий тон Орландо, повара и судомойки выказывают полное равнодушие к происходящему.

Зилоев, долго выискивающий подходящую птицу в битком набитых клетках, наконец указывает поваренку на избранную им жертву.

ЗИЛОЕВ. Мне вон ту!

Орландо сразу берет на себя функции распорядителя:

- Шеф, вы согласны? Спасибо. Спасибо, спасибо всем! Идите сюда! Идите! (Его приглашение адресовано фотографу и кинооператору, которые тоже заглянули на кухню.) Мы должны запечатлеть это событие...

Повар приносит курицу.

Зилоев дает указания относительно того, как правильно поставить птицу, затем сбрасывает накиннутый на плечи пиджак и садится напротив курицы метрах в двух от стола.

Работа в кухне прекратилась. Все взоры обращены на певца; сделав глубокий вдох, он "ставит диафрагму".

Курица, хоть и не осознает своей роли в этом опыте, замерла на месте.

Бас сосредоточивается, собирается с силами.

ФИТЦМАЙЕР (наклонившись к уху секретаря сэра Донгби, шепотом). А вдруг она снесет яйцо?

Секретарь с трудом сдерживает приступ смеха.

И тут Зилоев исторгает из груди необычайно глубокую низкую ноту.

Кинооператор крутит ручку своей камеры; фотограф готов нажать кнопку затвора.

Птица, словно загипнотизированная этой единственной нескончаемой нотой, не двигаясь с места, поднимает правую лапку. Впечатление такое, что она приветствует зрителей, лица которых выражают живейший интерес к забавному эксперименту. Но Зилоев настроен серьезно; он вкладывает в этот опыт все свои силы. Голос его, исполненный мрачной мощи, дрожит от напряжения, и курица наконец не выдерживает.

Бас вытягивает руку и, отчеканивая слова, говорит:

- Смотрите, она заснула...

Курица действительно погрузилась в сон, застыв на столе, словно мраморное изваяние.

Один из поваров, не веря своим глазам, подходит поближе, а дама-продюсер изрекает:

- Просто невероятно. Бедная курица!

ПОВАР. И правда! У нее глаза закрыты!

Должно быть, в этот момент закрылись глаза и у Орlando, так как он вдруг рухнул на пол, прямо к ногам публики.

ФИТЦМАЙЕР. Ой, что это с ним?

СЕКРЕТАРЬ ДОНГБИ. Он упал...

ДАМА-ПРОДЮСЕР. Ему плохо?! Доктора! Позовите доктора!

ПОДБЕЖАВШИЙ ПОВАР. Надо отнести его подальше от огня, вон туда, к иллюминатору.

ФИТЦМАЙЕР. Держите так, чтобы ноги были выше головы.

ОФИЦИАНТ. Ему нужен свежий воздух!

ДАМА-ПРОДЮСЕР. Ароматические соли!

ПОВАР. Водички...

ДАМА-ПРОДЮСЕР. У вас нет солей? Тогда немного уксуса!

ПОВАР. Каплю коньяка!

ФИТЦМАЙЕР. Я заметил, что он очень побледнел...

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРИТИК. Все-таки его надо бы вынести отсюда.

ПОВАР. Возьмите стакан воды и сбрызните ему лицо.

Крепкие руки подхватывают Орlando с пола, относят его подальше от пышущей жаром плиты и сажают на стул. И он сидит на стуле с блаженным видом, в полузабытьи, совсем как курица.

ФИТЦМАЙЕР. Синьор Орlando, дышите глубже.

Бас Зилоев с удовлетворенным видом накидывает пиджак поверх русской рубахи, которую он носит навыпуск.

У повара Фатторетто своя точка зрения на происшедшее:

- Чтобы находиться здесь, нужна привычка. Наш Гаспароне недавно ткнулся носом прямо в творог! Ну вот, теперь синьору лучше, все прошло.

Репортер действительно приходит в себя и, стряхнув сонное оцепенение, сразу же вспоминает об эксперименте Зилюева.

ОРЛАНДО. А курица спит? Глядите-ка, спит! Опыт удался! Она спит... Он действительно... усыпил ее...

И на него нападает безудержный смех, который тут же передается остальным.

ДАМА-ПРОДЮСЕР. Но ведь и вы спали...

- Вот глупая птица!.. - говорит он, не замечая сомнительной ассоциации и заливаясь смехом.

35. САЛОН-БАР "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Маэстро Альбертини собрал в большом салоне всех певцов и держит перед ними речь.

- Ну что ж, думаю, вы тоже не вполне удовлетворены вчерашней репетицией реквиема...

Когда исполняется реквием в память об Эдмее, тут, думаю, одних ваших способностей и вашей техники мало... вы должны стремиться вложить в свое исполнение всю благодарность великой артистке, ведь мы так ее любили, и она действительно самая великая певица всех времен.

Ильдебранда Куффари лишь опускает свои длинные ресницы.

- Ты готова, Ильдебранда?

Куффари дважды повторять не надо: она сразу начинает петь.

Музыкальная фонограмма

А вот Руффо Сальтини почему-то замешкалась и шепотом спрашивает у Фучилетто:

- Что это за странный запах?

Фучилетто, раздувая ноздри, принюхивается.

36. ВЕРХНЯЯ ПАЛУБА. ДЕНЬ

На палубе вся свита богача египтянина возносит молитвы аллаху.

С противоположной стороны стоят юная красавица Доротей и Орландо, который, несмотря на свой почтенный возраст, явно взволнован тем, что они наконец остались наедине.

Небо и море подернуты желтоватым маревом: солнце клонится к закату.

ОРЛАНДО. Сколько мне лет?

ДОРОТЕЯ. Что вы сказали? Я не поняла.

ОРЛАНДО. Так сколько же?

ДОРОТЕЯ. Ах! Право, не знаю, я совершенно не умею угадывать возраст...

ОРЛАНДО. Ну попробуйте же, не бойтесь! (С комичной томностью откидывается на перила фальшборта.) Скажите хоть, на сколько я выгляжу, ну, смелее...

Доротей смущенно хихикает; похоже, и она бессознательно увлеклась этой игрой в ухаживание.

ДОРОТЕЯ. Просто не знаю... Наверно, столько, сколько моему папе.

ОРЛАНДО. Гм. А сколько лет вашему папе?

ДОРОТЕЯ. О, мой папа для меня всегда молод...

Орландо польщен, но и разочарован.

Девушка замечает приближающихся родителей.

ДОРОТЕЯ. Простите... Мама!

Она идет навстречу матери и отцу, прогуливающимся под ручку по палубе. Родители встречают ее ласково и заботливо.

МАТЬ ДОРОТЕИ. Детка, что же ты так... Пойди возьми накидку...

ДОРОТЕЯ. Мне не холодно, мама!

МАТЬ ДОРОТЕИ. Как только солнце садится, сразу становится сыро...

Орландо с умиленной улыбкой следит за этой сценой. Но вот все трое направляются в его сторону, и отец Доротеи, обращаясь к жене и дочери, говорит:

- Вы только полюбуйтесь на эти краски, дорогие мои... Да, всякий закат несет на себе печать божественности.

На пороге салона появляется Руффо Сальтини, которую преследует какой-то неприятный запах, она хочет закрыть стеклянную дверь. Между тем отец Доротеи уже

подошел к репортеру, стоящему у фальшборта.

ОТЕЦ ДОРОТЕИ. Я, синьор Орландо, по субботам целый день занимаюсь живописью... Не знаю, что бы я отдал, лишь бы написать картину, подобную вот этой. Но разве можем мы тягаться с самим Творцом?

МАТЬ ДОРОТЕИ. Какая прелесть!

Из салона доносится голос маэстро Альбертини:

- Спасибо, Ильдебранда, достаточно. Теперь мне хотелось бы повторить "Domine Deus".

Орландо пользуется удобным предлогом, чтобы ускользнуть:

- О, там репетируют... Простите, пойду-ка взгляну...

С этими словами он удаляется в сторону бара.

ГОЛОС МАЭСТРО АЛЬБЕРТИНИ. Лепори, становитесь здесь, рядом с Фучилетто.

Подойдя к окнам салона-бара, Орландо видит поющих дуэтом Лепори и Фучилетто.

Музыкальная фонограмма

Обернувшись к нам, Орландо поясняет:

- Это реквием...

Отец Доротеи с наслаждением, полной грудью дышит морским воздухом, но, заметив капитана, быстро направляется к нему.

ОТЕЦ ДОРОТЕИ. Капитан, я к вам все с той же жалобой... Этой ночью меня опять разбудило какое-то постукивание по стеклу иллюминатора! Что это такое?

КАПИТАН. А, да, я знаю. Это наша чайка, Икар. Мы прозвали ее так потому, что однажды она сломала себе крыло. Уже много лет она летает за нами, я к ней привязался и убежден, что она приносит счастье!

Доротея отходит от матери и приближается к Орландо, тотчас расплывающемуся в улыбке.

ДОРОТЕЯ. Вы чувствуете, как противно пахнет? Что за вонь такая? Не чувствуете?

Орландо в замешательстве.

ДОРОТЕЯ (потянув носом воздух, матери). Мама... ты не знаешь, откуда этот ужасный запах?

МАТЬ ДОРОТЕИ. Рыба, наверное... (Подносит платочек к носу.)

ДОРОТЕЯ. Дышать невозможно...

Тяжелый запах проник уже и в салон-бар, где поют Лепори и Фучилетто.

Раздраженный Лепори поворачивается к коллеге и перебивает его:

- Что это за вонь?!

Фучилетто сразу же вскипает:

- А почему ты смотришь на меня?

ЛЕПОРИ. Да не смотрю я на тебя. Только здесь страшно воняет!

ФУЧИЛЕТТО (озираясь по сторонам). Говорит, что воняет, а смотрит на меня!

Чтобы удостовериться, он, подняв руки, нюхает у себя под мышками.

ФУЧИЛЕТТО. От меня не воняет! Дурак!

ЛЕПОРИ. Сам дурак!

Фучилетто накидывается на него:

- Вот я выдеру сейчас твои усишки и запихну их тебе в глотку! Понял, красавчик?

После короткого "обмена любезностями" дело доходит до рукоприкладства.

РУФФО САЛЬТИНИ (пытаясь их образумить). Аурелиано! Ну что вы оба, в самом деле! Этот ужасный запах идет снаружи, им весь воздух пропитан! Я еще раньше ему говорила!

На палубе капитан, окруженный своими офицерами, пытается успокоить пассажиров.

КАПИТАН. Да, господа, нам действительно приходится терпеть это зловоние, но доктор Ламела... гарантирует, что никакая инфекция нам не грозит.

СУДОВОЙ ВРАЧ. Совершенно верно! Можете не беспокоиться!

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР. Жидкие испражнения уже пошли на убыль и до наступления вечера должны прекратиться совсем.

37. ТРЮМ "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

ГОЛОС КАПИТАНА. Следуя советам нашего доктора... мы принимаем меры к тому, чтобы вывести носорога из трюма. Его надо поместить на палубе...

В трюм корабля медленно опускается люлька с двумя матросами.

Возле животного, по-прежнему распростертого на полу, стоит служитель-турок; он благодарными глазами следит за всеми этими приготовлениями и не перестает жалобно причитать на своем певучем языке.

Голос помощника капитана. Несколько матросов-добровольцев свяжут носорога и на стропах поднимут его наверх.

38. ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Офицеры и капитан дают пояснения столпившимся вокруг них пассажирам.

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Мы можем заверить вас, что все будет сделано быстро и аккуратно.

39. ТРЮМ "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Огромное животное, опутанное цепями, поднимают на стропах из темного трюма наверх, к свету, к откинутой крышке люка, ведущего на палубу. У беспомощного грузного животного жалкий вид; вся операция подъема сопровождается отчаянными причитаниями служителя-турка.

Слышен голос вахтенного офицера Партексано:

- Приготовить насосы!

40. ВЕРХНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Несколько матросов и юнг суетятся вокруг лебедки, тянут стропы, на которых опутанного цепями носорога в подвешенном состоянии проносят вдоль палубы под мощными струями брандспойтов.

ПАРТЕКСАНО. Натягивайте стропы! Натягивайте!

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР. Поднять давление!

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Матросам стать в цепь. Господ пассажиров просим не выходить за оцепление. Отойдите назад!

ПАРТЕКСАНО. Так! Держите его здесь!

На капитанском мостике Фучилетто, стоящий среди других певцов, не может не высказаться:

- Вы что, хотите выбросить его в море?

ОФИЦЕР ЭСПОЗИТО. Да нет, жалко беднягу!

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Нет-нет, мы устроим его вон в той шлюпке. Доктор сказал, что ему нужен свежий воздух!

На нижней палубе, где матросы в парусиновой робе все еще продолжают мыть огромное животное, собралось много пассажиров; они прикрываются от брызг раскрытыми зонтиками, стараясь не упустить ни одной подробности такого удивительного зрелища, такого развлечения.

Вдруг носорог извергает струю зловонной черной жижи; в этом его спасение, теперь, надо полагать, он пойдет на поправку.

ФУЧИЛЕТТО. Вот откуда вонь-то!

Это восклицание явно адресовано его коллеге Лепори.

У старого офицера Эспозито довольный вид.

ОФИЦЕР ЭСПОЗИТО. Ну, в общем, конечно... Зато теперь ему будет лучше!

В другой группе пассажиров бас Зилоев комментирует происходящее, черпая образы из родного русского фольклора:

- Здорово! Он похож на Змея-Горыныча из русских народных сказок. Летающий змей!

Служитель-турок с молитвенно-сложенными руками ищет сочувствия и поддержки у этой группы. Но присутствующий здесь маленький толстенький повар не находит ничего более остроумного, чем предложить:

- А теперь пусть искупают тебя тоже!

Несколько матросов, принимавших участие в операции "носорог", разделись до пояса и моются, направляя струю то на грудь, то на мускулистые руки... под пристальным и взволнованным взглядом Рикотэна...

Бледная дама-продюсер, как всегда, начеку. Подойдя к Рикотэну, она свистящим шепотом говорит:

- На тебя же все смотрят... вставай!

Рикотэн, опомнившись, поднимается с битенга, на котором сидел, но все еще не может оторвать глаз от красавцев матросов.

41. ОТКРЫТОЕ МОРЕ. НОЧЬ

И еще одна ночь опускается на "Глорию Н.", мощно взрезающую носом чернильного цвета море.

42. КАЮТА КУФФАРИ. НОЧЬ

В каюте Куффари оба маэстро Рубетти и монахиня. Певица пригласила их на чай, но главным образом для того, чтобы поговорить о великой Тетуа.

Во время рассказа Рубетти Ильдебранда буквально смотрит ему в рот: так велико ее желание постичь тайну, принесшую бессмертие покойной знаменитости.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. И вот она от обыкновенного ля переходит все выше, выше, до ми бемоль... потом до ми и наконец берет фа в третьей октаве.

Всем разливают чай еще раз.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Нет-нет, достаточно.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Свершилось чудо! Оркестр почти смолк, публика замерла, затаила дыхание... Да я и сам слушал словно зачарованный... Никогда в жизни мне этого не забыть!

КУФФАРИ. Но простите, маэстро, как это возможно? Диапазон почти в три октавы, без всякого усилия... обыкновенному человеку такое не дано!

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. А кто говорит, что Эдмея была обыкновенной женщиной? Сколько народу голову себе ломало, пытаюсь понять ее!

КУФФАРИ. Должно быть, она обладала каким-то секретом. Именно это я как раз и хотела узнать, маэстро... Я хотела спросить вас, как родного отца... А я... я могла бы сделать что-нибудь подобное?

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Вот послушайте. Как-то ночью Эдмея поделилась со мной...

Она сказала, что во время пения у нее перед глазами появляется морская раковина...

КУФФАРИ. Раковина?

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Да, так она и сказала: "Я вижу морскую раковину... я слежу за ее изгибами - виток за витком..."

Ильдебранда жадно впитывает в себя эти слова, она вся внимание, и чувствуется, что ее мучит ревность, даже зависть...

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. ...и голос сам поднимается, следуя за ними, без всяких усилий". Понимаете, дорогая моя? Дело было не только в ее легких, диафрагме, голосовых связках... Этот феномен можно назвать катализацией энергии.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ (за кадром). Что бы там ни говорили, а я знаю одно: Эдмея была не такая, как все, она неповторима. Таких певиц, как она, больше не будет!..

От этих слов на красивом, тонком лице Ильдебранды Куффари становится заметней печать тяжелых душевных переживаний.

Но вот певица остается одна. Она так погружена в свои мрачные мысли, что, когда раздается стук в дверь, откликается едва слышно:

- Да...

Входит ее галантный концертмейстер.

КОНЦЕРТМЕЙСТЕР. Можно? (Закрыв за собой дверь, он приближается к Ильдебранде.) Что это ты так притихла? У тебя лицо сейчас - как у чудесного египетского сфинкса.

Куффари со злостью оборачивается, медленно поднимается с кресла, в упор как-то странно смотрит на концертмейстера и, когда тот добавляет: "Ты восхитительна!", вместо ответа дает незадачливому красавчику звонкую пощечину.

43. ОТКРЫТОЕ МОРЕ. НОЧЬ

Луна на горизонте то поднимается, то опускается над пустынной палубой: бортовая качка.

ГОЛОС ОРЛАНДО. На третью ночь нашего путешествия дела начали принимать неожиданный оборот... Все стало... как-то непонятно...

44. КОРИДОР ПАССАЖИРСКОЙ ПАЛУБЫ "ГЛОРИИ Н.". НОЧЬ

Коридор безлюден и тих.

Дверь одной из кают приоткрывается, и из нее, настороженно оглядываясь, выходит женщина в черной вуали.

Это Руффо Сальтини. Тихонько прикрыв за собой дверь, она делает шаг-другой по коридору, но тут же, вздрогнув, останавливается.

В нескольких метрах от нее с не меньшими предосторожностями выскальзывает в коридор Валеньяни.

Узнав подругу, Валеньяни спрашивает:

- Ну что?

РУФФО САЛЬТИНИ. Тссс! Закрой дверь! Тихо!

Обе певицы удаляются по коридору.

45. БИБЛИОТЕКА "ГЛОРИИ Н.". НОЧЬ

Группа гостей собралась вокруг медиума - секретаря директора "Ла Скала". Утонув в глубоком кресле, он уже впал в транс и издает какие-то хриплые стоны.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Он весь в испарине, даже блестит от пота.

СЕКРЕТАРЬ-МЕДИУМ (едва слышно). Погаси...

ФУЧИЛЕТТО. Что он говорит?

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Я не понял.

МАЭСТРО АЛЬБЕРТИНИ. По-моему, ему мешает свет.

С этими словами он поднимается и идет гасить лампу под абажуром; Фучилетто в это время выключает торшер. Дыхание медиума становится хриплым и прерывистым.

В этот момент в библиотеку входят обе певицы.

ФУЧИЛЕТТО (от неожиданности хватается за сердце). Ох, из-за вас у меня молоко в груди перегорело!

РУФФО САЛЬТИНИ. Это все она. Не хотела идти!

ФУЧИЛЕТТО (предостерегающим шепотом). Потихе... Он уже в транс!

ВАЛЕНЬЯНИ. Ему плохо?

ДАМА-ПРОДЮСЕР (поворачиваясь к Валеньяни). Садитесь здесь. (Всем остальным.) Дайте друг другу руки. Маэстро! Дайте руку мадам.

Участники сеанса образуют цепочку.

ФУЧИЛЕТТО. И я тоже?

ДАМА-ПРОДЮСЕР. Да. (Рубетти-второму.) А вы не хотите сесть с нами?

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Спасибо. Предпочитаю не участвовать в этом деле. Если мать Анджела узнает, что я здесь, она целую неделю продержит меня на хлебе и воде.

Все очень осторожны, переговариваются только шепотом.

Медиум издает хриплые стоны, что-то бормочет, его лицо исказила гримаса, со лба стекают струйки пота; узел галстука распустился.

МАЭСТРО АЛЬБЕРТИНИ. Ну, смелее, задайте ему какой-нибудь вопрос.

Первой отваживается Руффо Сальтини; после некоторых колебаний она спрашивает:

- Эдмея... прости... я всегда хотела у тебя спросить... Какое произведение причиняло тебе больше всего страданий?

Медиум лишь слегка шевелит пальцами на подлокотниках своего глубокого кресла.

РУФФО САЛЬТИНИ (за кадром). Что за глупый вопрос я задала...

Граф ди Бассано ломает руки.

РУФФО САЛЬТИНИ (за кадром). Понимаете, однажды она мне сама сказала... Ой!!!

Все вздрагивают от звука неожиданно выпавшей из шкафа книги.

МАЭСТРО АЛЬБЕРТИНИ. Что там упало?

ФУЧИЛЕТТО. Я не знаю.

ДАМА-ПРОДЮСЕР. Не разрывайте цепочку, это опасно.

Фучилетто быстро подходит к шкафу и удивленно восклицает:

- Книга! Она открылась!

Подняв книгу, он разглядывает ее, показывает остальным:

- Смотрите-ка... "Джоконда".

На странице книги действительно репродукция знаменитого портрета Леонардо.

Книжка открылась на "Джоконде".

Он подходит к сидящим и показывает:

- Смотрите! "Джоконда".

ДАМА-ПРОДЮСЕР. Просто невероятно! Какой потрясающий медиум!

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Вы правы! Поразительное совпадение!

Руффо Сальтини не может сдержать волнения. Она обращается к медиуму и лепечет едва слышно:

- О-о-о-о... "Джоконда"... Она мне говорила. Именно "Джоконда"!.. Эдмея...

Медиум слегка качает головой, откинутой на бархатную спинку кресла; на его бледном лице блуждает какая-то потусторонняя улыбка.

Граф ди Бассано, охваченный необычайным волнением, вскакивает с места.

- Я больше не могу здесь оставаться! Это жестоко... Не могу! Простите!

Он направляется к двери и выходит.

Руффо Сальтини никак не придет в себя. Фучилетто, стоящий позади нее, спрашивает:

- Можно я тоже задам вопрос?

Ему отвечает сам медиум, отрицательно покачав головой.

ФУЧИЛЕТТО (не в силах сдержаться, на ухо маэстро Альбертини). Не хочет. Она, хитрюга, поняла, что человек, который... так хорошо ее знает, может задать вопросик...

Маэстро подавляет ехидный смехок.

РУФФО САЛЬТИНИ. Тссс!

Теперь медиум поднимает обе руки ладонями к себе и машет кистями - как бы в знак

приветствия или прощания.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Смотрите, именно таким жестом она выражала свою признательность...

Медиум начинает проявлять признаки мучительного перевоплощения; подергавшись, словно марионетка, он наконец затихает, уронив голову на грудь.

И тут вдруг появляется женская фигура в белом одеянии; лицо ее прикрывает кружевная накидка; впечатление такое, что это действительно призрак Тетуа. Минута всеобщего смятения. Руффо Сальтини, лишаясь чувств, успевает выдохнуть:

- Эд-мея... Эд-мея...

Первым приходит в себя маэстро Альбертини.

- Да что же это такое... Кто ты? Включите свет!

Он вскакивает и бежит к лампе под абажуром.

- Что за глупые шуточки!

В этот момент мнимый призрак исчезает, выскользнув за дверь.

ВАЛЕНЬЯНИ (изо всех сил стараясь не упасть в обморок). Кто это был? Скажите мне - кто?... Нет, вы скажите!.. А-а-ах!..

Наш отважный романьолец Фучилетто, выскочив из библиотеки, бежит вдогонку за призраком, а дирижер тем временем пытается всех успокоить:

- Это же шутка! Над нами просто подшутили!

Он пробует привести в чувство Валеньяни, хлопая ее ладонью по щекам; поднять лежащую в обмороке на диване Руффо Сальтини:

- Да что с тобой! Открой глаза, дурочка! Инес, да будет тебе, нашла из-за чего в обморок падать!

Через открытую дверь видно, как бегущий по коридору Фучилетто хватается за фигуру, закутанную в белое покрывало, и тут же раздражается веселыми криками:

- Да это ты?! Вы только посмотрите... Иди-ка сюда, покажись всем, шут гороховый!..

- Он тузит незадачливого шутника, волоча его за собой, срывает у него с головы шаль. - Полюбуйтесь-ка на вашего призрака!.. - И, раздражаясь хохотом, добавляет:

- Это же граф ди Бассано!

Призрак - а им действительно оказывается граф ди Бассано, напяливший на себя один из дорогих театральных костюмов покойной певицы, - обессиленно прислоняется

к двери ближайшей каюты и со слезами в голосе говорит:

- Пусти меня, пусти!.. Оставьте ее в покое...

ФУЧИЛЕТТО. Да он у нас великий актер! Давайте поаплодируем ему, bravo! На какой-то миг даже я поверил!

Молодой человек с подведенными глазами вырывает у него из рук кружевную шаль, истерически кричит:

- Это профанация! Будьте вы прокляты! - и убегает прочь.

Но Фучилетто никак не уймет свой пыл:

- Эй, да они тут все из-за тебя чуть со страху не умерли! (Смеясь, он возвращается в библиотеку.)

ФУЧИЛЕТТО (за кадром). И вы, маэстро, тоже... простите меня!.. По-моему, у вас до сих пор еще поджилки трясутся! А Инес? Где она? Все еще без чувств?!

В коридоре из-за угла, за который свернул граф ди Бассано, появляется Орландо. На лице у него написан немой вопрос - как у человека, силящегося понять, что происходит.

46. ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". НОЧЬ

По залитой лунным светом палубе прогуливаются, беседуя, оба маэстро Рубетти и монахиня.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Вообще тебе лучше помолчать: вдохи и выдохи нужно делать в ритме шагов.

Неожиданно перед ними появляется девочка лет пяти-шести.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Глядите-ка! А эта синьорина откуда взялась?

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Я ее никогда раньше не видел!

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Что ты здесь делаешь в такой поздний час? Ты кто? А она премиленькая!

Он подходит к девочке, которая стоит и спокойно смотрит на них огромными глазами, такими яркими на маленьком смуглом личике. Волосы девочки заплетены в косы.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Да, она очень мила!

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Ты знаешь, какая ты хорошенькая? И какие косички у тебя красивые! (Вкрадчиво проводит ладонью по волосам девочки.) Ну что за прелесть!

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Ладно, Вольфганг, оставь ее в покое...

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Как же тебя зовут? (Снова гладит ее по головке.)

В этот момент на палубе появляется незнакомая женщина; схватив девочку и присев на корточки, она, словно желая защитить, прижимает ее к груди. Затем, произнеся несколько взволнованных фраз на каком-то славянском языке, берет девочку на руки и уходит.

Теперь на палубе собираются какие-то новые пассажиры; на фоне лунного неба вырисовываются их черные силуэты.

Оба маэстро Рубетти и монахиня оторопело смотрят на них.

А этих женщин и мужчин разного возраста много, и все они молчат. У них красивые лица цыганского типа - настороженные и гордые.

Один из матросов спешит погасить костерок, который эти люди разложили прямо на палубе.

МАТРОС. Вы что, пожар тут решили устроить?! Не понимаю, что ты там говоришь!

И, пытаясь, чтобы его самого поняли, добавляет:

- Огонь здесь нет! Нельзя огонь!

ДРУГОЙ МАТРОС. Нельзя разводиться огонь на палубе! (Подойдя к одной из женщин, заботливо.) Ну как тут ваша бабуля?

Кто-то из незнакомцев пытается объяснить на своем языке, но его не понимают.

В неверном предутреннем свете на палубе торопливо натягивают полотняный тент для этих новых пассажиров.

МАТРОС. Тяни! Натягивай сильнее! Давай, подтяни-ка еще!

Куффари в пеньюаре и ночном чепце с тревогой наблюдает за происходящим.

Подошедший бас Зилоев пытается выразить свою симпатию этим людям.

ЗИЛОЕВ. Здравствуйте! Где же это вы раньше были, а? Какая красавица!

Увидев Ильдебранду, он покровительственно обнимает ее за плечи.

КУФФАРИ. Илья, что это за люди?

ЗИЛОЕВ. Право, не знаю, я...

С капитанского мостика доносится голос Фучилетто:

- Ильдебранда!

Остальные певцы, покинув в такую рань свои постели, собрались, заспанные, наверху и с любопытством наблюдают за развитием странных событий.

ФУЧИЛЕТТО. Это сербы.

РУФФО САЛЬТИНИ. Поднимайся сюда!

ЗИЛОЕВ. Погодите, надо же узнать...

Между тем капитан дает объяснения публике:

- Пока мы оставили этих людей на палубе, но уже начали готовить подходящее помещение в трюме, чтобы они не мешали работе экипажа и не беспокоили господ пассажиров.

РУФФО САЛЬТИНИ. Но, капитан, как же это получилось... как все эти люди попали на судно?..

КАПИТАН. В связи с убийством австрийского эрцгерцога в Сараеве Австрия объявила войну Сербии, и тамошнее население, испугавшись вторжения войск, разъяренных гнусным покушением, решило укрыться в Италии. Вот эти люди и пустились по морю на чем попало.

Группа пассажиров с удивлением и тревогой слушает эту коротенькую речь капитана.

Один лишь Орландо отошел в сторонку и смешался с сербскими беженцами. Он в домашнем халате, его жидкие волосы растрепаны.

Прислушиваясь к странному говору незнакомцев, он спрашивает:

- Ничего не понимаю. На каком языке они говорят?

МАТРОС. Синьор, это сербы.

ОРЛАНДО. А как они все попали на судно?

МАТРОС. Нынче ночью мы подобрали их в море. Это беженцы. Так мы по крайней мере думаем.

Появляется один из поваров с бачком и поварешкой и начинает раздавать всем горячую похлебку.

Орландо наклоняется к маленькой девочке, спящей на одеяле, разостланном прямо на палубе.

- Здравствуйте, синьорина. Как, вы еще спите?

Капитан продолжает давать пояснения гостям:

- Наш судовой врач, конечно, всех их осмотрит. Мои офицеры и я сам с помощью переводчиков уже поговорили с большинством мужчин; это пастухи, крестьяне, цыгане. Мы подобрали их в море ночью. Среди них есть и студенты, преследуемые полицией... скорее всего необоснованно...

Орландо продолжает бродить среди беженцев, сбившихся кучками, сидящих на битенгах или на бухтах канатов; лица сербских парней - почти детские у одних и покрытые первым пушком у других - выражают суровую решимость.

В группе столпившихся на капитанском мостике пассажиров (в кое-как накинутах халатах и с сеточками на волосах) ощущаются растерянность, недовольство, безотчетная нетерпимость.

ДАМА-ПРОДЮСЕР. Ты слышал? Какие-то цыгане из табора... Их полиция разыскивает.

РИКОТЭН. Но послушайте, капитан, по какому праву вы вынуждаете нас совершать путешествие вместе с этими людьми, взявшимися невесть откуда?

ДАМА-ПРОДЮСЕР. Он прав...

КАПИТАН. Да ведь их плоты были перегружены и в любую минуту могли опрокинуться!

СЭР РЕДЖИНАЛЬД. Я полагаю, что... вы могли бы... избавить нас...

КАПИТАН. Подобрал этих женщин... этих детей... эти несчастные семьи, я только выполнил свой долг!

Все снова и снова оглядываются на сербов, завладевших нижней палубой.

Небо посветлело. Наступает рассвет.

47. САЛОН-РЕСТОРАН "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

К обеду почти все сербские беженцы столпились у огромных окон салона-ресторана и, широко раскрыв глаза, удивленно разглядывают роскошную обстановку и невиданные яства.

Сабатино Лепори, держа карту вин, дает указания почтительно склонившемуся перед ним официанту:

- Вчерашний помар был не из лучших. Я бы посоветовал жене и друзьям попробовать что-нибудь из белых вин... Ну, скажем, шабли. На нем и остановимся. Я же сохраняю верность своему шампанскому "Rayon de Soleil"... Только пусть его хорошенько охладят.

Метрдотель ходит по залу, встревоженный назойливым любопытством беженцев.

За столом капитана болтают о том о сем.

КАПЕЛЛАН. Один из этих остановил меня и сказал, что его дед был итальянцем из Валь-ди-Сузы.

ОФИЦЕР ЭСПОЗИТО. Эй, вы там! Идите отсюда, идите!

Он делает угрожающие знаки сербам, которые толпятся за окнами как раз напротив капитанского стола.

Многие из гостей, например медиум, не могут оторвать глаз от беженцев.

Рикотэн же наслаждается своими спагетти, стараясь навернуть на вилку побольше.

РИКОТЭН. Вот как с ними надо управляться, смотри!

БАНКИР. Нет, спагетти ты есть не умеешь!

Дочка Куффари никак не усядется за стол, все ее внимание поглощено людьми, собравшимися там, за окнами.

Мать окликает ее:

- Моника, садись же!

Девочка опускается на стул, но теперь уже певица оглядывается беспокойно, сурово.

Мать фон Руперта невозмутимо потягивает свой бульон; а ее сын, поправляя салфетку, ухитряется украдкой бросать взгляды в сторону беженцев.

За капитанским столом Зилоев окликает Фучилетто:

- Аурелиано, оглянись-ка.

Прямо за спиной певца стоит, улыбаясь, красавица смуглянка.

Фучилетто тотчас оборачивается к ней и говорит:

- Что угодно прекрасной смуглянке? А?

Русский бас, первым сделавший такое открытие, довольно улыбается.

ЗИЛОЕВ. Правда, хороша? Красотка! (Подняв бокал.) За прекрасные глаза дикарки!

МАЭСТРО АЛЬБЕРТИНИ (сотрапезникам, доверительно). Честно говоря, мне как-то неловко есть на глазах у этих людей.

МОНАХИНЯ. Божественное провидение позаботится и о них.

Прислуга получает приказ опустить шторы.

Маэстро Рубетти-второй поворачивается к монахине.

- И правда, позаботилось...

СЭР РЕДЖИНАЛЬД (раздраженно, но и с облегчением). Наконец-то догадались.

А вот его супругу, леди Вайолет, такая мера удивляет.

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. Но... зачем же?

Зилоев шутливо говорит официанту, опускающему шторы у его окна:

- Да не надо! Что ты делаешь! Я хочу любоваться своей невестой!

Леди Вайолет молча поднимается из-за стола, идет за подносом и начинает накладывать на него всякую снедь.

СЭР РЕДЖИНАЛЬД (с трудом сдерживая недовольство выходкой жены). Вайолет... прошу тебя!

Потом обращается с риторическим вопросом к секретарю:

- Эндрю, как по-вашему, что она собирается делать?

СЕКРЕТАРЬ ДОНГБИ. Я полагаю, сэр, она хочет отнести еду людям, которые стоят там, на палубе.

Баронет все еще пытается образумить жену:

- Вайолет! Ради бога... Твои намерения, возможно, и похвальны, но это уж чересчур... Филантропия какая-то... Эндрю!

СЕКРЕТАРЬ ДОНГБИ. Сэр?

СЭР РЕДЖИНАЛЬД. Эндрю, прошу вас, пусть вернется за стол!

С этими словами он поднимается, но секретарь опережает его.

- Я иду, сэр. - Он подходит к леди Вайолет, которая держит в руках уже полный поднос. - Please, сэр Реджинальд хотел бы...

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. Я не нуждаюсь в помощи. (Одному из официантов.) Следуйте за мной с сервировочным столиком...

В разговор вмешивается метрдотель:

- Госпожа Донгби, простите, но там, на палубе, уже устроена столовая...

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. Ну и хорошо, значит, сегодня им перепадет кое-что еще...

МЕТРДОТЕЛЬ. Прошу прощения, но вам лучше послушать меня...

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ (официанту). Пошли! (Метрдотелю.) Откройте, пожалуйста, дверь.

МЕТРДОТЕЛЬ. Извините.

Он услужливо отдергивает шторы и открывает перед леди Вайолет большую застекленную дверь.

За столом Куффари маленькая Моника спрашивает:

- Мама, можно я тоже отнесу им свой суп?

Мать ничего не отвечает, но с секретарем все же решает посоветоваться.

- Ты не думаешь, что мне надо последовать ее примеру?

Вместо секретаря ей отвечает концертмейстер:

- Нет, Ильдебранда, по-моему, это неуместно.

ДОЧКА КУФФАРИ. Ну пожалуйста, разреши мне тоже!

КУФФАРИ. Помолчи!

48. НИЖНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Третий офицер быстро направляется к леди Вайолет, уже обходящей сербов со своим подносом.

- Мадам, дайте поднос мне, я понесу его... - Поскольку леди Вайолет не соглашается, он добавляет: - Тогда я должен вас сопровождать. Прошу! - и начинает прокладывать ей дорогу. - Матрос Оле! Скажи этим людям, чтобы они отошли назад!

Судовой врач между тем пытается осмотреть какого-то ребенка и уговаривает его с поистине неаполитанским терпением:

- Давай-ка сядем вот так... Теперь посмотрим, может, ты тоже у нас певец... Скажи: а-а-а-а! Ну, смелее. Открывай рот. Открывай!

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР. Дети, не наваливайтесь, здесь всем хватит! Подождите, я сам, я сам!

Но никто его не слушает - детские ручонки жадно хватают с подноса все подряд.

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР. Мадам, будьте благоразумны, вернитесь в салон, а я здесь сам обо всем позабочусь... Эй, ты зачем столько взял, тебе что, мало?!

Многие мужчины с интересом поглядывают на леди Вайолет. Смотрит на нее и стоящий позади красивый цыган с шапкой черных кудрей. Она поворачивается к нему, словно притянутая магнитом, но тотчас маскирует свое возбуждение показной озабоченностью:

- Офицер! Разрежьте торты! И сами раздайте детям, чтоб всем досталось!

Какая-то женщина, сидящая прямо на палубе, берет ее руку.

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. Вам что?

Это цыганка. Она внимательно рассматривает ладонь леди Вайолет. Сначала ее что-то смущает, но потом она раздражается неудержимым звонким смехом. Хохоча, цыганка закрывает лицо руками; уж не разгадала ли она какую-то тайну, что-то постыдное?

Леди Вайолет в растерянности оглядывается по сторонам и невольно тоже начинает улыбаться.

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. Что такое? Ну что же?

Но цыганка не отвечает, она не может ничего сказать, настолько неприлично ее "открытие".

ЦЫГАНКА. Нет, нет... (Мотает головой и очень заразительно, от души хохочет.)

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. Ну что, что ты там увидела? (Окружающим, растерянно, но заинтересованно.) Отчего она смеется?

Между тем ее самое уже начинает разбирать смех; взглянув на свою ладонь, леди Вайолет раздражается хохотом - громким, безудержным, очистительным.

49. КАЮТА КАПИТАНА. ДЕНЬ

Генерал, премьер-министр и начальник полиции Великого герцога Гогенцуллера выражают свое решительное неудовольствие поведением капитана, который спокойно и с достоинством сидит за своим письменным столом.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Это совершенно недопустимо!.. Какая-то банда сербских анархистов захватывает судно, а капитан не принимает никаких мер, чтобы воспрепятствовать этому.

КАПИТАН. Позвольте. Любой капитан обязан подобрать в море терпящих бедствие, таков основной закон морского кодекса... Оказание помощи - наш долг...

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. Вам, капитан, конечно, известно, что среди тех, кого вы так мягко именуете беженцами, скрываются профессиональные убийцы...

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (очень решительно и твердо). Совершенно верно!

ГЕНЕРАЛ (поднявшись с места). Вы подвергаете опасности жизнь Его высочества. (Далее говорит на смеси немецкого и итальянского.) Мы выражаем протест вашему правительству.

Капитан тоже встает, его внушительная фигура возвышается над столом.

КАПИТАН. За безопасность Его высочества на этом судне... отвечаю я все двадцать четыре часа в сутки... Когда мы приняли потерпевших бедствие на борт, я приказал своим офицерам произвести проверку и изолировать тех, кто представляет потенциальную опасность.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. Это очень слабая мера, капитан, поскольку ваши так называемые беженцы свободно разгуливают по всему судну - и на палубе, и в баре, и в коридорах, и в салонах...

50. САЛОН-БАР "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Начинается "очистка" всех помещений от сербских беженцев. Они действительно заняли салон-бар, устроившись на диванах, и офицер Партексано с помощью одного из поваров пытается выпроводить их оттуда.

ПАРТЕКСАНО. Кок, ты говоришь на их языке, скажи этим людям, что здесь им находиться нельзя. Пусть уходят отсюда. Это приказ капитана. Надо очистить салон!

ПОВАР ВАЛЕНТИНО (по-сербски). Вы должны уйти отсюда. Здесь оставаться нельзя. Ясно? Ты, твоя жена, твои дети и все остальные - давайте-ка убирайтесь.

Видно, как за окнами матросы сгоняют с места сербов, расположившихся прямо на палубе.

ОДИН ИЗ МАТРОСОВ. Ну-ка поднимайтесь! Всем перейти на корму!

В салон между тем заходит седовласый старичок - один из братьев Рубетти. Не обращая внимания на весь этот шум и перебранку, он направляется прямо к бармену.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Здравствуйте!

БАРМЕН. Здравствуйте!

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Пожалуйста, коробку печенья. самого лучшего, разумеется!

БАРМЕН. У нас есть бисквит в шоколаде. Желаете?

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Да, благодарю. Сколько с меня? Сколько? Вот, возьмите.
(Уплатив деньги, с довольным видом уходит.)

Появляется пятерка матросов, вызванных на подмогу.

ПАРТЕКСАНО. Всех выставить на палубу! Живо!

В группе сербов шум, возгласы гнева и возмущения.

ПОВАР (по-сербски). Может, вы считаете, что лучше было отправиться на дно - кормить рыб? Ну так чего ж вы? Благодарите капитана, что он вас спас! А отсюда надо уйти!

Но сербы упорствуют, доказывают что-то все сразу, возмущаются, жалуются; они устали, измучены. Среди беженцев есть больные, много беременных женщин.

Матросы делают все, чтобы выполнить приказ, не прибегая к насилию.

МАТРОС ОЛЕ. Всем выйти на палубу! Здесь оставаться запрещено!

Одна из женщин не желает подниматься с дивана; кто-то из младших офицеров обращается к ее мужу:

- Пусть поднимется! - но, увидев, что она в положении, добавляет: - Да вы что, все тут беременные?!

Кое-кто уже пускает в ход кулаки. Матросы хватают отдельных сербов и силой выталкивают их из салона. Никакие мольбы и объяснения в расчет уже не принимаются.

ОДИН ИЗ СЕРБОВ. Скоро родить...

МАТРОС ОЛЕ. Ну и что? Не имеет значения!

ДРУГОЙ СЕРБ. Я хочу говорить с капитаном. Где капитан?

Все хотят что-то спросить, сказать, объяснить. Становится очевидно, что освободить салон можно, лишь прибегнув к самым решительным мерам. Матросы толстым канатом перегораживают палубу перед входом в салон-бар.

Теперь это граница, которую беженцам переходить запрещено.

Офицер Партексано продолжает энергично наводить порядок:

- Не заставляйте нас применять силу! Все должны выйти на палубу, ну, поживее! - И, обернувшись к повару, добавляет: - Объяснил ты им или нет, что они должны очистить помещение? - И тут же отдает новое распоряжение подчиненным: - Матросам

выстроиться на палубе. Втолкуйте им как-нибудь, что мы готовим для них помещение на нижней палубе.

51. ВЕРХНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Операция по выдворению продолжается и на корме. Здесь тоже натянут канат ограждения и офицеры пытаются навести порядок.

ПАРТЕКСАНО. Вы не имеете права выходить за эти канаты без разрешения вахтенного матроса. Давай, переводи!

МАТРОС ОЛЕ. Слушаюсь! (Переводит.)

Остальные матросы снимают между тем белье с веревок, натянутых беженцами по всей корме.

ОДИН ИЗ МАТРОСОВ. Убрать эти тряпки, ясно?

Ему приходится немного повоевать с отчаянно кричащими женщинами. Отовсюду сыплется проклятия. Но главное уже сделано.

ПАРТЕКСАНО. Ну что, все поняли? Отсюда чтоб ни ногой...

Но вот к натянутому канату подходит старик Рубетти, игнорирующий всю эту кутерьму. Он ищет сербскую девочку, которую мы видели прошлой ночью на палубе. Узнав ее, маэстро Рубетти-первый зовет:

- Оленька... иди сюда! Иди сюда, моя хорошая!

Девочка спрыгивает с какого-то ящика и идет к Рубетти, поднырнув под натянутый канат.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Любишь печенье? Бери... Это все тебе... (Протягивая открытую коробку, гладит девочку по головке.) Попробуй... положи в рот. Ах, какое у тебя хорошенькое платьице!

Он прикасается к ее юбочке. Но, заметив обращенный на него свирепый взгляд одного из мужчин - должно быть, цыгана, - спрашивает с совершенно невинным видом:

- Это ваша девочка? Какая миленькая! (По-русски.) Красивая! Я просто угощал ее печеньем... Бери, Оленька!.. (Отдав коробку девочке, напоследок проводит ладонью по ее косичкам.)

62. КОРИДОР ПАССАЖИРСКОЙ ПАЛУБЫ. ИСКУССТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

По коридору идет Ильдебранда. Во всей фигуре певицы - тревога и страх, заставляющий ее то и дело оглядываться, словно она хочет убедиться, что за ней никто не гонится. Развевающееся шелковое манто еще больше подчеркивает смятение ее чувств.

53. КАЮТА КУФФАРИ. ДЕНЬ

Войдя в каюту, певица срывает с себя палантин из лисьего меха и бросается к шкатулке с драгоценностями. Она складывает туда не только все украшения, разбросанные на туалетном столике, но даже длинную нитку жемчуга, которую постоянно носит на шее. Ильдебранда явно чего-то боится и мечется со шкатулкой по каюте в поисках какого-нибудь укромного местечка, где можно было бы ее спрятать.

54. КОРИДОР ПАССАЖИРСКОЙ ПАЛУБЫ. ИСКУССТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

Оба телохранителя Великого герцога Гогенцуллера мерным шагом прохаживаются у дверей каюты Его высочества.

55. КАЮТА ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГА. ДЕНЬ

Юный Великий герцог и его слепая сестра спокойно играют в шахматы вблизи большого иллюминатора.

Зато неспокоен премьер-министр; он нервно расхаживает по каюте и наконец, не выдержав, замечает:

- Вот вам и еще одно подтверждение того, что на итальянцев полагаться нельзя.

Вы,
Ваше высочество, имели возможность убедиться, насколько я был прав, предупреждая
о рискованности этого путешествия.

Но на его слова никто не обращает внимания.

Принцесса Лериния, отпив глоток из своего бокала, подзадоривает брата:

- Ну, смелее, ходи же...

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Дай подумать... (Про себя.) Если я пойду ладьей...

Премьер-министр, сознавая, что он здесь лишний, откланивается:

- Ваше высочество... - Но прежде, чем уйти, он замечает: - Простите, но из
соображений безопасности я должен просить вас не покидать каюту до тех пор, пока
на палубе не будет наведен порядок.

Принцесса Лериния поворачивает к нему свое лицо с невидящими глазами и непонятно
почему вдруг начинает смеяться.

Великий герцог настроен менее сурово.

- Ну, это уж, наверное, слишком. Но как бы там ни было, благодарю вас.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Прошу прощения. (Загадочно улыбнувшись, выходит из каюты.)

ПРИНЦЕССА ЛЕРИНИЯ. Я никакой опасности не чувствую... (Легким движением пальцев
нащупывает на доске фигуру и передвигает ее.) Ну вот тебе шах и мат.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. С тобой невозможно играть: ты всегда выигрываешь! (Поднимается
из-за стола. Лицо у него обиженное.) Под предлогом, что тебе приходится
нащупывать фигуры, ты сдвигаешь их с места!

ПРИНЦЕССА ЛЕРИНИЯ. Сыграем еще раз?

Юноша не отвечает.

ПРИНЦЕССА ЛЕРИНИЯ. Что с тобой?..

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Я боюсь.

ПРИНЦЕССА ЛЕРИНИЯ. Чего?

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Не знаю. Все так сложно!

Словно обессилев, он опускается в небольшое кресло, стоящее рядом с кроватью.

Принцесса Лериния тянется к нему.

ПРИНЦЕССА ЛЕРИНИЯ. Ничего сложного!

Она шарит в воздухе рукой, пока Великий герцог не берет ее руку в свою и не
пожимает ее.

ПРИНЦЕССА ЛЕРИНИЯ. Послушай... Ты помнишь это? (Начинает тихо напевать по-
немецки
грустную песню.)

Музыкальная фонограмма

56. ОТКРЫТОЕ МОРЕ. НОЧЬ

"Глория Н.", маленькая и хрупкая в огромном ночном море; крохотные огоньки - это светящиеся во тьме иллюминаторы кормовой надстройки.

57. ПАЛУБЫ "ГЛОРИИ Н.". НОЧЬ

Сербы сидят на кормовой палубе, в темноте, под открытым небом, слегка подсвеченным серпом месяца. А все знатные гости корабля собрались на капитанском мостике и благодушно попивают чай.

Журналист, сидящий за одним столом с директором "Метрополитен-опера" и его женой,
говорит:

- В пятом веке сербы спустились на Балканский полуостров, а потом захватили Эпир и Фессалию... так они вам и останутся на корме!..

В слабом лунном свете едва вырисовываются силуэты беженцев. Их томит тоска по родине. Одна из женщин, сидящих на дощатой палубе, берет в руки какой-то необычный струнный инструмент. Неумный хвостун Фучилетто похваляется своими "подвигами".

ФУЧИЛЕТТО. Смотрю на градусник: сорок! Что делать? Сорвать спектакль? Публика пришла ради меня...

РУФФО САЛЬТИНИ. Смени пластинку!

ФУЧИЛЕТТО. И я все-таки пел. О! Меня вызывали на бис семь раз!

Фитцмайер в сторонке беседует с сэром Реджинальдом.

ФИТЦМАЙЕР. Как же так? Вы устраиваете что-то вроде дыры, в которой едва помещаются пятьдесят оркестрантов, а потом хотите запихнуть туда весь состав оркестра - сто шестьдесят шесть человек?! У нас же оркестр не лилипутский!

СЭР РЕДЖИНАЛЬД. Но этот театр - памятник национальной культуры, не могли же мы его перестраивать!

Леди Вайолет, которая стоит неподалеку, опершись о перила, стала объектом настойчивых ухаживаний второго офицера.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Сильный характер в сочетании с удивительно тонкой женственностью делает англичанок...

Но леди Вайолет перебивает его своим журчащим смехом.

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ. А я тебе говорю, не нужно терять времени на все эти прелюдии, разве не так?

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Я хотел сказать...

Между тем сербиянка начинает петь, привлекая внимание не только своих соотечественников, но и тех, кто собрался наверху, на капитанском мостике.

Дирижер Альбертини даже встает с места и, поглядев вниз, на палубу, замечает:

- В ней столько экспрессии, что кажется, понимаешь, о чем она поет...

Куффари и Лепори реагируют очень сдержанно, однако можно заметить, что мелодия захватила и их.

Зилоев, зачарованный песней, начинает с большим чувством подпевать сербиянке.

А темные, безликие силуэты сербов лишь усиливают впечатление от этой импровизации.

58. ОДИН ИЗ ПЕРЕХОДНЫХ МОСТИКОВ НА НИЖНЕЙ ПАЛУБЕ. НОЧЬ

У премьер-министра и принцессы Леринии тайное свидание в укромном уголке, где их наверняка никто не увидит и не услышит. Они разговаривают при слабом свете, льющемся из иллюминаторов.

ПРИНЦЕССА ЛЕРИНИЯ. Мой брат крепко спит...

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Принцесса, мы не можем больше откладывать... Надо принимать решение! Путешествие подходит к концу, и начальник полиции проявляет все большую подозрительность.

ПРИНЦЕССА ЛЕРИНИЯ. Нет, все и так решится в нашу пользу, нам ничего не надо предпринимать.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Откуда такая уверенность, принцесса?

ПРИНЦЕССА ЛЕРИНИЯ. Я видела сон... Мне снилось, будто мы вместе с братом в каком-то саду... Вдруг с неба прямо к нам спускается орел... Он хватает брата и, хлопая своими мощными крыльями, взмывает вверх. Но мой бедный братец такой тяжелый, такой тяжелый... Орел выпускает его из когтей, брат падает на землю и исчезает в огромном провале.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Ты знаешь, как меня успокоить и заставить поверить всему, что ты говоришь.

Он нежно обнимает принцессу и страстно целует ее. Принцесса отвечает ему таким же страстным поцелуем.

59. ПАЛУБЫ СУДНА. НОЧЬ

Пение сербов заканчивается под аплодисменты и возгласы всеобщего одобрения.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Молодчина! Какой прекрасный тембр, правда?

РУФФО САЛЬТИНИ. Интересно, кто она?

В это время под звуки новой песни другая женщина начинает танцевать. Прямо там, на досках кормовой палубы, в темноте. Следом за ней в круг входит мужчина. Оба исполняют какой-то незнакомый танец, изобилующий легкими, высокими прыжками.

ОРЛАНДО. Ну настоящие акробаты! Ловкость прямо-таки обезьянья!

Количество танцующих пар все увеличивается, заразительный ритм пляски передается всем присутствующим.

У Зилоева, хлопающего в такт, ноги сами просятся в пляс.

ЗИЛОЕВ. Вот это огонь! Вот это страсть!

ВТОРОЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Это не настоящий народный танец.

При свете звезд в вихревой пляске кружатся и стар и млад.

ЗИЛОЕВ. Погляди! Пляшут все, даже старики.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Они же ничего не понимают! Ведь это один из древних языческих ритуальных танцев. Я в свое время изучал их!

ВТОРОЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Разумеется! То, что делают они, похоже на венгерский чардаш. Это ритуальный танец, им отмечалось начало посева. Надо делать вот так, вот так. (Кружится, тяжело, по-медвежьи, притопывая ногами.)

ОРЛАНДО. Bravo!

Все смеются. Зилоев распаляется все больше.

ЗИЛОЕВ. О, да ты заткнешь за пояс саму Кшесинскую! У тебя получается даже лучше!

Смех, поощрительные восклицания.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Вот-вот: сначала правой ногой влево, потом левой ногой вправо! Вот так - правильно!

ВТОРОЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Конечно!

ЗИЛОЕВ. А ты спустись вниз, покажи им, как надо танцевать! И вы, профессор, тоже спускайтесь. Смелее! (Подталкивает обоих директоров к крутому железному трапу.)

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Ну что ж, я охотно...

ФУЧИЛЕТТО. Bravo, профессор! Поучите-ка их танцевать!

Зилоев своим могучим басом объявляет "номер":

- Внимание! Представляю вам двух великих специалистов хореографического искусства! Они покажут вам, как надо правильно танцевать!

Оба профессора уже спустились на палубу и смешались с толпой сербов.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Этим танцем люди просили своих богов пролить дождь на поля... Женщины танцуют, вздев руки, словно принимая в них небесную влагу...

Он исполняет это па сначала один, потом вместе со всеми. Зилоев, тоже спустившийся на палубу, тянется к инструменту.

ЗИЛОЕВ. А я сыграю! Дай-ка сюда! (Начинает водить смычком.)

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Мужчины топают ногами... сообщая семенам, что танец начался, чтобы семена открыли свой рот и приготовились пить влагу, ниспосланную небом... Вот так... вот так... вот так...

Все танцуют.

Фучилетто наблюдает за танцующими - главным образом за женщинами - с капитанского мостика.

ФУЧИЛЕТТО. Я никого ничему не могу научить, но, сдается мне, сам кой-чему могу поучиться вон у той смугляночки!.. Ну-ка, позвольте, позвольте... (Тоже спускается вниз, к сербам.)

Но вот второму директору Венской оперы становится плохо, и он обессиленно опускается на дощатую палубу.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Евгений... Евгений!.. Что с тобой? Не пугай меня!

Ответь своему кузену, Евгений!

Все продолжают плясать, захваченные ритмом музыки.

Фучилетто добрался-таки до своей смуглянки.

ФУЧИЛЕТТО. Поди-ка сюда, моя чернявая!

Самочувствие второго директора Венской оперы, похоже, улучшается.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ВЕНСКОЙ ОПЕРЫ. Ну как, тебе полегче?

Престарелый профессор даже не успел сообразить, что с ним произошло, и вновь возвращается к теме, втянувшей его в этот вихрь:

- Цель этой пляски - снискать расположение стихий, от которых зависит прорастание зерна...

Лепори, оставшегося за столом, как водится, донимает его жена.

ЖЕНА ЛЕПОРИ. O, per favor, не надо говорить неправду! Не нужно быть смешным, как niño [ребенок (исп.)].

ЛЕПОРИ. Но я не просил, чтобы с ней заключали контракт. Клянусь здоровьем мамы...

ЖЕНА ЛЕПОРИ. Не клянись мамой!

ЛЕПОРИ. ...что я ей вовсе не протезирую. Мне нет никакого дела до твоей Ригини Бьяджетти.

ЖЕНА ЛЕПОРИ. Нет, есть. Я не имела в виду спорить о твои вкусы! Все удивляются, как такой hermoso [красивый (исп.)] мужчина мог потерять голову от Ригини Бьяджетти! Потаскухи!..

ЛЕПОРИ. O господи!

Сэр Реджинальд, облокотившись о перила и не выпуская из рук стакана, не сводит глаз с жены, которая тоже присоединилась к танцующим и вскрикивает, попадая в объятия то одного, то другого могучего серба.

Баронет терзает в руках стакан, то и дело раздражаясь своим истерическим смехом.

Сербы неутомимы, они выделывают сотни замысловатых фигур. Певицам Валеньяни и Руффо Сальтини тоже передается всеобщее возбуждение.

РУФФО САЛЬТИНИ. А мы что же?

Сплетя руки, они начинают кружиться в танце прямо на капитанском мостике.

Зилоев, могучий, темпераментный, распаленный, тоже хочет поддержать в своих объятиях леди Вайолет.

ЗИЛОЕВ. Леди Донгби, разрешите пригласить вас на этот танец?

В укромном уголке на капитанском мостике разгорается ссора между Рикотэном и его деспотичными спутниками.

РИКОТЭН. Поймите наконец: я сам знаю, что мне делать, а чего не делать. И имею право раздарить все зажигалки мира кому захочу! Этот матрос так напоминает мне моего милого кузена!

Дама-продюсер, опершись спиной о перила мостика, нервно похлопывает себя по ладони серебряным набалдашником трости и злобно шипит:

- Ах вот как?..

РИКОТЭН. Почему я не могу сделать человеку такой пустяковый подарок? Я требую, чтобы меня не ограничивали в моих чувствах и не следили за мной круглые сутки, как за младенцем... Мне уже сорок лет, ясно? Оставьте меня в покое! Вот так!

Он заканчивает свою тираду срывающимся голосом и, едва не плача, начинает хлопать в такт музыке, с тоской глядя на танцующих, к которым так хотел бы присоединиться назло своим "опекунам".

В веселой неразберихе пляски партнеры то и дело меняются, и цыганка Регина вдруг оказывается лицом к лицу с леди Вайолет, которой она гадала по руке.

Обе пляшут с довольным видом, обе смеются, у обеих блестят глаза: их объединяет стихийно возникшая женская солидарность.

ЛЕДИ ВАЙОЛЕТ (кричит). Да! Да! (И смеется, отдаваясь во власть этого взрыва жизненных сил и не стыдясь своей тайны.)

Орландо, столкнувшись с прекрасной Доротеей и ее родителями, комически учтиво восклицает:

- О Доротея! Уважаемый синьор родитель, синьорина, не окажете ли вы мне честь...

ГОЛОС ОТЦА ДОРТЕИ (он явно шутит). Нет!

ОРЛАНДО (умоляюще). Прошу вас... Благодарю!

Обхватив стан девушки руками, он увлекает ее в водоворот пляски.

Веселье захватило всех.

Даже вечно унылая и наводящая на всех тоску мамаша фон Руперта лихо кружится на капитанском мостике, издавая короткие восклицания.

Сам фон Руперт, сидя за столом, пытается ее образумить:

- Матап, ну хватит. Прошу тебя, сядь!

Внезапно Куффари тоже покидает свой шезлонг и начинает кружить вокруг дирижера Альбертини, а тот в восхищении отбивает ей ритм ладонями.

Счастливый Орландо танцует на корме с девушкой, словно сошедшей с полотна Боттичелли. А она во время танца обменивается взглядами и улыбками с сербским студентом, неподвижно сидящим на битенге.

В эту ночь весь корабль превращается в сплошную танцплощадку; здесь, под усеянным звездами небосводом, царит безудержное веселье, которому, кажется, не будет конца.

60. САЛОН-РЕСТОРАН "ГЛОРИИ Н.". НОЧЬ

Несмотря на поздний час, танцы все продолжают.

За большими окнами ресторана черные силуэты, вырисовывающиеся на фоне уже голубеющего ночного неба, то сближаются, то рассыпаются в непрерывном движении под заворожившую всех музыку.

Какой-то малыш нерешительно заходит в огромный салон ресторана, но его тотчас хватают руки матери - сербиянка пугливо прижимает ребенка к себе.

В глубине ресторана за столиком сидит в одиночестве мужчина - он явно пьян, но не перестает накачиваться вином, бормоча что-то нечленораздельное.

61. НИЖНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". НОЧЬ. ПОТОМ ДЕНЬ. ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Но вот все кончилось.

Воцаряется тишина. На палубе судна вповалку тела обессиленных пляской и вином людей: их сморил тяжелый сон.

Не спят только два серба. Облокотившись о борт, они стоят неподвижно и смотрят в море.

А там, вдали, на горизонте, в первых бледных лучах восходящего солнца чернеет крошечный силуэт другого судна. Оба серба молча, неотрывно следят за ним глазами; а судно уже заметно приблизилось, и в свете раннего утра видно, что это тяжелый и грозный военный корабль, над которым зависло облако черного дыма, изрыгаемого его трубами.

Рассвет. Палуба "Глории Н." оживает: хнычут дети, сербы перекликаются на своем языке.

ПЕРВЫЙ СЕРБ. Пильтро, Пильтро, смотри, броненосец!

ВТОРОЙ СЕРБ. Что теперь будет?

Несколько беженцев - испуганных, настороженных - уже стоят у борта.

62. КАЮТА ГРАФА ДИ БАССАНО. РАССВЕТ

Граф ди Бассано резко садится на постели. Лицо у него встревоженное.

63. КАЮТА РИКОТЭНА. РАССВЕТ

Вскакивает и Рикотэн, не успев выпутать голову из простыни.

64. САЛОН-БАР "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Беженцев, устроившихся на ночь в баре на удобном диване, будит чей-то голос из-за окна:

- Стае... Стае!..

СЕРБ. Я здесь... Иду!

Молодой серб пробирается по темному салону к окну и раздвигает тяжелые бархатные шторы.

Человек, стоящий за окном, сообщает ему новость. Мимо пробегают другие беженцы.

ГОЛОС ИЗ-ЗА ОКНА. Иди посмотри сам! Тут военный корабль!

Молодая сербиянка, вскочив с дивана, спрашивает в тоске и страхе:

- Куда вы все бежите? Что случилось? Куда же вы?!

65. ОТКРЫТОЕ МОРЕ И ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Силуэт покрытого свинцово-серой броней корабля надвигается на "Глорию Н."

Взгляды сербов, рассыпавшихся вдоль борта, обращены теперь на капитанский мостик, с которого матрос-сигнальщик что-то передает флажками военному кораблю. Рядом с матросом стоят два офицера. Подошедший капитан спрашивает:

- Что они отвечают?

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Это флагман австро-венгерского флота, капитан. Они требуют выдачи сербов, которых мы подобрали в море.

КАПИТАН (обращаясь к Партексано). Спуститесь в телеграфное отделение.

Затем, поднеся к глазам бинокль, сам начинает расшифровывать сигналы, передаваемые с броненосца.

Матрос-сигнальщик "Глории Н." быстро докладывает:

- За потерпевшими бедствие сербами с австро-венгерского броненосца придут офицеры!

Капитан и его помощник обмениваются многозначительными взглядами.

Между тем у бортов "Глории Н." собираются пассажиры и члены экипажа: все смотрят на окутанный дымом грозный военный корабль.

Орландо, всегда готовый утешить тех, кто в этом нуждается, говорит сербам, большинство которых, естественно, поддались панике:

- Почему вы все так встревожились? Да, это австро-венгерский военный корабль. Ну и что?

ОДНА ИЗ БЕЖЕНОК (на своем языке). Господин говорит, чтобы мы не боялись, нам не сделают ничего плохого, австро-венгерскому кораблю ничего от нас не надо.

Но эти слова не могут успокоить собравшихся вокруг нее соотечественников.

ОДИН ИЗ МОЛОДЫХ СЕРБОВ (на своем языке). Они хотят нас забрать! Посадить в тюрьму!

ДРУГОЙ СЕРБ. Да, он верно говорит - в тюрьму!

МОЛОДАЯ СЕРБИЯНКА. Синьор, это правда?

ОРЛАНДО. Что сказал молодой человек?

СЕРБИЯНКА. Никола говорит, что нас всех заберут в плен, что вас заставят выдать беженцев!

Орландо, увидев проходящих мимо офицеров, решает обратиться к ним.

- О, простите, сейчас мы все узнаем... Капитан! Капитан...

Но тот уже скрылся за металлической дверью.

Орландо остается ждать. Заглянув в один из иллюминаторов, он видит, как работает телеграфный аппарат. Тон разговора и выражение лиц офицеров не сулят ничего хорошего.

Понемногу и остальные пассажиры собираются на верхней палубе - кто в пижаме, кто в домашнем халате.

Партексано, напустив на себя солидный вид, пытается удовлетворить любопытство пассажиров, отделяваясь, однако, общими фразами.

ПАРТЕКСАНО. Это просто обмен сигналами с австро-венгерским броненосцем.

ФУЧИЛЕТТО. Ну и что же вы ему передаете?

ПАРТЕКСАНО. Не могу знать, я же не сигнальщик, Но в целом все в порядке, синьоры...

ФУЧИЛЕТТО. А почему эти люди так напуганы?

Завязывая на шее фуляр, он смотрит на плотную толпу сербов, таких же мрачных, как и их предчувствия.

Капитан и его помощники быстро взбегают по трапу на капитанский мостик. Оттуда доносятся лишь отдельные взволнованные фразы.

КАПИТАН. Из Рима передают, чтобы мы постарались выиграть время... Никого не пускать на борт!

ПАРТЕКСАНО. Слушаюсь!

Сэр Реджинальд, на которого никто не обращает внимания, все же задает вопрос:

- Капитан, я не хотел бы показаться назойливым... но скажите, что происходит? Имеем же мы право быть в курсе дела!..

Под общий гомон Партексано пытается успокоить пассажиров, подкинув им очередное сообщение.

ПАРТЕКСАНО. Ситуация, стало быть, такова: мы продолжаем им что-то передавать, только вот шифра я не знаю...

ФУЧИЛЕТТО. А что передают из Рима?

В разговор включается стюардесса:

- Господам пассажирам, по-моему, незачем волноваться; капитан держится очень уверенно - не правда ли?

Теперь все оборачиваются к журналисту.

ДИРЕКТОР "МЕТРОПОЛИТЕН-ОПЕРА". Синьор Орландо, а что думаете обо всем этом вы?..

(Орландо не отвечает - он сам озабочен происходящим - и отворачивается от остальных пассажиров.) Вы тоже что-то скрываете?

Тут Партексано переключает внимание пассажиров на передачу сигналов, и все поворачивают голову туда, куда он указывает.

ПАРТЕКСАНО. Взгляните-ка, вон там... чуть пониже капитанского мостика, на броненосце, видно, как работает флажками их сигнальщик.

Теперь его видим и мы.

Крейсируя вокруг "Глории Н.", военный корабль несколько отдалился, но его грозное присутствие все же ощущается.

На кормовом мостике капитан руководит передачей сигналов. Обращаясь к

сигнальщику, он с искренним возмущением говорит:

- Я не могу принять их требование выдать беженцев. Передавай!

Тот проворно выполняет приказание. Капитан подносит к глазам бинокль.

Все сербы, сгрудившись на палубе, тревожно и настороженно смотрят то на таящее в себе угрозу море, то на сигнальщика "Глории Н.", то на сигнальщика австро-венгерского броненосца, едва различимого в густом черном дыму, который валит из его труб.

СИГНАЛЬЩИК "ГЛОРИИ Н." (капитану). Они требуют немедленной выдачи!

Толпа сербов объята ужасом. Все в страхе отшатываются от борта.

Окутанный клубами дыма неподвижный и грозный австро-венгерский военный корабль оцетинивается стволами пушек.

В этот момент на верхней палубе "Глории Н." появляется Великий герцог со своей свитой.

ОРЛАНДО. А, вот и Великий герцог... Ваше высочество!

Все спешат помочь Великому герцогу подняться на кормовой мостик.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Здравствуйте!

ПАРТЕКСАНО. Ваше высочество, капитан ждет вас на мостике...

Великий герцог, генерал, премьер-министр и начальник полиции подходят к капитану.

КАПИТАН. Ваше высочество, с австрийского броненосца требуют немедленной выдачи потерпевших бедствие сербов.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ (по-немецки). Сообщите им о моем пребывании на борту и о цели нашего путешествия.

ПЕРЕВОДЧИК. Его высочество желает, чтобы вы сообщили им о цели нашего путешествия.

КАПИТАН (своему помощнику). Передайте на броненосец, что мы непременно должны достичь острова Эримо!

ПОМОЩНИК КАПИТАНА. Слушаюсь!

КАПИТАН. Прошу вас, Ваше высочество!

Он подводит Великого герцога и его небольшую свиту к тому месту, откуда ведется семафорная связь.

Сигнальщик приступает к передаче сообщения.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Позвольте! Я хочу посмотреть!

Партексано тотчас протягивает ему свой бинокль. Великий герцог, отрегулировав оптику, несколько мгновений разглядывает имперского двуглавого орла на флаге броненосца, затем, возвратив Партексано бинокль, становится навтыяжку и отдает честь. Вся свита следует его примеру.

Сигнальщик на броненосце, быстро работая флажками, передает очередное сообщение.

Помощник капитана расшифровывает его:

- Они разрешают нам следовать к острову. И приветствуют Его высочество Великого герцога.

Переводчик тотчас же переводит его слова.

КАПИТАН (несколько успокоенный). Мы берем курс на остров, Ваше высочество.

Грозный броненосец отдаляется, а "Глория Н." продолжает свой путь.

ОРЛАНДО (за кадром). И на военном корабле тоже знали и любили нашу Эдмею. Великий герцог добился от флагмана австро-венгерского военного флота разрешения завершить погребальную церемонию. Скоро мы увидим остров Зримо.

И действительно, вдали, в туманной дымке, словно окутанный мягкой вуалью, показывается остров Зримо - одинокий и таинственный, как бы повисший между морем и небом.

66. КОРИДОР ПАССАЖИРСКОЙ ПАЛУБЫ "ГЛОРИИ Н.". ИСКУССТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

Кузина покойной Эдмеи Тетуа в траурном одеянии и с опущенной черной вуалью выходит из своей каюты.

Оба старых маэстро Рубетти вместе с монахиней тоже появляются в коридоре. Они выглядят очень торжественно в рединготах и при цилиндрах. Братья по своему обыкновению препираются. На этот раз - из-за цветка, который один из них всегда носит в петлице: другой считает, что в подобной ситуации цветок неуместен.

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ВТОРОЙ. Да убери ты свою маргаритку!

МАЭСТРО РУБЕТТИ-ПЕРВЫЙ. Кому она мешает?

Но все же прячет этот легкомысленный цветок. Поздоровавшись с дамой в трауре, все вместе отправляются на церемонию погребения.

67. КАЮТА КУФФАРИ. ДЕНЬ

В слабом свете, проникающем в каюту через иллюминатор, Ильдебранда Куффари, тоже одетая в траур, завершает свой туалет перед зеркалом. Она в таком волнении, что, прежде чем выйти, бессильно опускается на несколько секунд в кресло.

68. КОРИДОР ПАССАЖИРСКОЙ ПАЛУБЫ. ИСКУССТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

По коридору, словно в настоящей похоронной процессии, движутся остальные гости.

Появляется Ильдебранда Куффари, совершенно убитая горем, едва сдерживающая рыдания.

К ней сразу же подходит Фитцмайер и, поздоровавшись, присоединяется к процессии.

69. ВЕРХНЯЯ ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

И вот все пассажиры собрались на палубе, чтобы принять участие в погребальной церемонии.

Одетые в траур мужчины и женщины располагаются на палубе группами.

СЭР РЕДЖИНАЛЬД ДОНГБИ (капеллану). Однажды она мне призналась: "Вот вы все говорите о моем голосе... А у меня порой бывает такое чувство, что голос этот принадлежит не мне. Я - всего лишь горло... диафрагма... дыхание. Откуда берется

голос - не знаю... Я - только инструмент, простая девушка, испытывающая даже какой-то страх перед этим голосом, всю жизнь делаемим со мной все, что хочет он".

На фоне свинцово-серого, затянутого тяжелыми тучами неба появляется почетный караул. "Глория Н." бросает якорь в виду острова Зримо - родины бессмертной певицы. У самого борта на специальном черном катафалке урна с прахом Эдмеи Тетуа.

Слышны отчетливые команды вахтенного матроса.

МАТРОС ОЛЕ. Смир-но!

КАПЕЛЛАН. Прошу прощения, сэз Донгби, церемония начинается...

МАТРОС ОЛЕ. Нале-во!

КАПИТАН. Синьор Партексано, приступайте!

Скорбящие гости подходят ближе к катафалку.

МАТРОС ОЛЕ. Вольно!.. Смир-но! Головные уборы... до-лой!

Великий герцог и все члены его свиты стоят навтыжку, с головными уборами в руках.

Матросы, офицеры и вообще все присутствующие мужчины снимают бескозырки, фуражки, шляпы.

Капеллан, стоя над урной, раскрывает Библию и читает:

- Псалом Давида. Господь - Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего... Да услышь, Господи, молитву

мою... Ты ведаешь что человек - прах и тлен: прах праху, тлен тлену Господь призрит мой уход и мой приход отныне и во веки веков!..

Эти скорбные и торжественные слова, отражаясь на сосредоточенных и напряженных лицах присутствующих, как бы кольшутся в воздухе вместе с черными вуалями женщин.

Прочитав молитву, капеллан отступает в сторону и делает знак продолжать церемонию.

- Приступайте!

В тот момент, когда Партексано берет урну в руки, за кадром раздается голос помощника капитана:

- Почетный караул!

Раздается шесть свистков.

ПАРТЕКСАНО. Матрос...

Один из матросов проворно уносит урну, в которой находилась капсула с прахом.

КАПЕЛЛАН. Подойдите, синьора...

Убитая горем бледная кузина Эдмеи Тетуа отделяется от группы гостей, чтобы исполнить долг, предписанный ритуалом.

ПАРТЕКСАНО. Прошу вас, синьора, высыпать прах на подушку.

Кузина певицы приступает к своей миссии, а в это время один из матросов запускает граммофон...

Музыкальная фонограмма

В воздухе разливается мелодичное пение Тетуа; голос ее возносится в сумрачное небо, на фоне которого Проходит вся траурная церемония.

Ветер разносит прах Эдмеи Тетуа, присутствующие растроганно и взволнованно следят за свершением воли покойной.

Под своей вуалью безутешно всхлипывает Ильдебранда Куффари.

Дирижер Альбертини, стоя поодаль, с болью и сочувствием смотрит на нее.

Плачут потрясенные Инес Руффо Сальтини и Тереза Валеньяни.

В атмосфере всеобщей скорби один лишь бас Зилоев, закрыв глаза, откровенно наслаждается дивным голосом певицы.

Даже у Орландо - журналиста, чуждого всяким эмоциям, в глазах блестят слезы и комок подступает к горлу.

А граф ди Бассано, похоже, сам вот-вот испустит дух, посылая с морским бризом последние пламенные воздушные поцелуи вослед праху.

На подушке больше ничего не остается. Погребальная церемония завершена. О ее окончании возвещает приказ вахтенного.

МАТРОС ОЛЕ. Голову по-крыть!

Матросы надевают бескозырки.

- Напра-во! Левое плечо... впе-ред! Шагом марш!

Матросы, печатая шаг, уходят.

Премьер-министр стоит с опущенной головой. Но вот кто-то выводит его из задумчивости. Это начальник полиции, который говорит в совершенно несвойственном ему тоне:

- Граф фон Гуппенбах... прошу вас вернуться в свою каюту и оставаться там впредь до нового приказания!

Чуть в стороне генерал шепчет по-немецки Великому герцогу:

- Арест премьер-министра, Ваше высочество, будет произведен без шума, в полном соответствии с вашим приказом...

Удивленный и встревоженный премьер-министр озирается по сторонам.

За оконным стеклом мы видим пустые глаза и коварную улыбку на ясном лице принцессы Леринии.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Что вы хотите этим сказать?

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. Согласно приказу Ее высочества принцессы Гогенцуллер, вы арестованы!

Губы премьер-министра трогает едва заметная презрительная усмешка; без лишних

слов он подчиняется приказу и под конвоем уходит на нижнюю палубу.

В отдалении виднеется австро-венгерский броненосец, все время сопровождавший "Глорию Н.". Его трубы извергают в небо черный дым.

Взгляды всех гостей устремлены на эту зловещую громаду.

Орландо, отойдя от трапа, ведущего на капитанский мостик, вместе со всеми направляется к люку, с горечью замечая:

- Эх, как было бы хорошо, если бы... чувства, охватившие всех нас, тронули и сердце австрияков...

Он уходит на нижнюю палубу, а офицеры и часть пассажиров еще задерживаются наверху.

СУДОВОЙ ВРАЧ. Трогательно, даже горло перехватывает, до чего трогательно...

ПАРТЕКСАНО. Я тоже потрясен... Какой голос!..

КАПИТАН. Великая была певица... Прекрасный голос... Такое мощное звучание!..

ТРЕТИЙ ОФИЦЕР. Мне не довелось ее слышать. Поразительный голос, прямо ангельский...

70. КАЮТА ОРЛАНДО. ДЕНЬ

Орландо входит в свою каюту. Не переставая говорить, он снимает пиджак, жилет, спускает подтяжки, стаскивает брюки.

- ...и тогда их военный корабль убрался бы восвояси... послав нам... прощальный салют! Но на деле все было не так: они опять потребовали выдать им сербов, а не то... И как потребовали! Ого! А еще лучше было бы, если бы мы на такое самоуправство ответили: "Нет! Мы их вам не отдадим!"

71. ОТКРЫТОЕ МОРЕ И ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Австро-венгерский броненосец подошел уже совсем близко: перед нами могучая свинцовая махина, вся в султанах черного дыма.

И тут маэстро Альбертини становится своеобразным выразителем всеобщего гнева; он как бы высвобождает огонь, бушующий в груди каждого из певцов, и сплавляет всеобщий гнев в возвышенную героическую кантату. Таков ответ музыки, ответ бельканто.

Маэстро Альбертини легким, изящным шагом пересекает палубу, становится в центре группы и, подняв свою дирижерскую палочку, исторгает из груди присутствующих чудесные гармоничные звуки, исполненные страсти и пафоса.

(Этот хор будет сопровождать все последующие события до 92-й сцены включительно.)

Музыкальная фонограмма

Нет, мы их не отдадим!

Нет, нет, нет, не отдадим!

Сгинь, развейся, злая сила!

Нам не страшен твой напор.

Сколько б ты нам ни грозила,
мы готовы на отпор.
Нет, не отдадим! Нет, не отдадим! (Несколько раз.)
О вечная радость, что светит
над морем, над всем этим краем!
Мы к тебе припадаем.
Корабельные стоянки
темнотой уже объяты,
но во тьме гремят раскаты,
тяжек ненависти зной;
хоть неистовствует злоба,
небо взрывами сверкает
пусть, о Мир, не умолкает
зов гармонии земной.
Паруса мятутся,
небеса трясутся,
голосят пещеры,
дым от алтаря.
Гневная Сивилла
свой фиал разбила
и вещать готова,
яростью горя.
Ну а видишь - пышет
и резни не слышит
день - сплошное диво,
как подарок свыше?
Кто там, в Элисии,
встретит наши тени:
Отче-вседержитель,
Мать всех прощений?
Глянь-ка, кто тут стонет?
Глянь-ка, кто там тонет?

Кто других на битву
кличет за собой?
Тут слышны лишь охи,
там слышны лишь вздохи...

Здесь врага встречают,
здесь крепчает бой.

Вымыслы о страсти,
нежность и упреки,
радости, несчастья
нет вам возвращенья!

Ветерки и росы,
рощи и потоки,
солнечные плесы
нет вам возвращенья!

Скоро

мы свободу

принесем

народам

принесем

народам

Верь, душа, надейся,

продолжай боренье,

продолжай боренье

с врагом!

Победишь

путь отцов утвердишь.

72. КАЮТА ОРЛАНДО. ДЕНЬ

Пожилой журналист в кальсонах и рубаше, прихватив что-то из ящика, закрывается в ванной, не прекращая, однако, своего репортажа.

ОРЛАНДО. С другой стороны, командование броненосца должно было выполнить приказ австро-венгерской полиции и арестовать сербов. Ведь у нас на борту находился Великий герцог Гогенцуллер, представлявший Австро-Венгерскую империю.

73. ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Австро-венгерский броненосец становится борт о борт с "Глорией Н."

Великий герцог Гогенцуллер проходит с эскортом вдоль цепочки матросов и покидает "Глорию Н.", чтобы переправиться на военный корабль.

Фучилетто "оплакивает" это событие, не щадя легких, вкладывая в исполнение все свои силы, весь голос.

Под аккомпанемент гневного и скорбного хора погружают в шлюпки и сербов.

Они медленно и очень организованно проходят по палубе с узлами и котомками за спиной, а над ними, словно наблюдая за каждым их шагом, нависает громада австро-венгерского броненосца.

Нежная юная Доротея при виде удаляющегося студента, в которого она уже успела влюбиться, не может справиться с отчаянием - она бросается к нему в объятия.

- Мирко!

Сияющие, счастливые, позабыв о трагической действительности, они целуются, обнимаются и, решив не разлучаться, присоединяются к партии беженцев, которую должны спустить на воду в первой шлюпке.

Офицер Партексано руководит погрузкой, а один из матросов отдает последние команды:

- Трави! Давай в сторону! Опускай! Майна! Майна!

74. ОТКРЫТОЕ МОРЕ. ДЕНЬ

Первая шлюпка уже на воде и под набухшим тучами небом движется к вздымающемуся рядом высоченному черному борту броненосца.

Доротея печально и счастливо улыбается, ее окрыляет близость любимого человека.

75. НИЖНЯЯ ПАЛУБА АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО БРОНЕНОСЦА. ДЕНЬ

Все пушки на борту броненосца приведены в боевую готовность.

76. ОТКРЫТОЕ МОРЕ. ДЕНЬ

Управляемая гребцами шлюпка рывками продвигается вдоль борта военного корабля.

В этот момент кто-то - возможно, тот самый сербский студент совершенно неожиданно бросает в одну из амбразур маленькую самодельную бомбу с зажженным фитилем.

77. НИЖНЯЯ ПАЛУБА БРОНЕНОСЦА. ДЕНЬ

Бомба с шипением влетает в чрево могучего броненосца, рикошетирует от лафета, откатывается в сторону и проваливается в трюм - может быть, даже в пороховой погреб.

Яркая вспышка, грохот взрыва, клуб белого дыма; орудие, приведенное в действие маленькой бомбой, произвело свой первый грозный выстрел.

78. КАЮТА ОРЛАНДО. ДЕНЬ

Журналист, вышедший из ванной в отличном шерстяном купальном костюме и резиновой шапочке, видит, как содрогнулись стены каюты и вещи посыпались со своих мест.

79. НИЖНЯЯ ПАЛУБА БРОНЕНОСЦА. ДЕНЬ

Матросы на броненосце быстро разбегаются по своим орудиям и исчезают в люках, зияющих между лафетами.

80. ОТКРЫТОЕ МОРЕ. ДЕНЬ

Голос Орландо комментирует стоп-кадры, в которых запечатлены события, предшествовавшие первому выстрелу: мы видим шлюпку с сербами и в ней нежно улыбающуюся Доротею; гигантскую машину броненосца, нависшую над шлюпкой; брошенную молодым сербом маленькую бомбу с горящим фитилем.

ГОЛОС ОРЛАНДО. ТОЧНЫЙ ХОД СОБЫТИЙ ВОССТАНОВИТЬ почти невозможно. Похоже, что все началось с необдуманного поступка молодого сербского террориста, метнувшего бомбу на борт броненосца. Но неужели какая-то примитивная самодельная бомба могла спровоцировать катастрофу исторического масштаба?.. И можно ли с уверенностью сказать, что именно наш парень метнул бомбу? Если он в тот момент жил только своей любовью, зачем ему было спешить навстречу гибели?

81. КАЮТА ОРЛАНДО. ДЕНЬ

Свой безупречный пляжный ансамбль журналист дополняет красно-белым спасательным кругом с надписью "Глория Н."

ОРЛАНДО. Однако похоже, так оно и было. По-видимому, бомба, попав в нутро броненосца... (запихивает свой блокнот за резинку носка) взорвалась прямо под лафетом одного из орудий... и... (озирается по сторонам: нельзя ли спасти еще что-нибудь в неотвратимой катастрофе) автоматически спровоцировала выстрел. (Берет в руки стоящую на комодe фотографию Гарибальди.)

82. САЛОН-БАР И САЛОН-РЕСТОРАН "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Большой рояль, сорвавшись с места, тяжело скользит по полу на глазах у потрясенного и оцепеневшего от ужаса официанта. Затем рояль въезжает в дверь, ведущую из бара в ресторан, и крушит столы и стулья, скатывающиеся в ту сторону, куда кренится расстреливаемое в упор судно.

В общем разгроме гибнут декоративные растения, посуда, сервировочные столики и всякие мелкие предметы.

83. КАЮТА ОРЛАНДО. ДЕНЬ

Еле держась на ногах, хватаясь за каждый выступ и совершая немислимые пируэты, журналист пытается во все нарастающей сумятице найти дверь и выбраться из каюты.

Тем не менее он не прекращает своего репортажа:

- Кое-кто утверждает, что выстрел первого орудия автоматически спровоцировал залп всей...

84. АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ БРОНЕНОСЕЦ. ДЕНЬ

Броненосец в дыму и пламени.

Матросы-артиллеристы продолжают заряжать орудия, которые, ведя непрерывный огонь, то показываются из артиллерийских портов, то вновь откатываются назад.

ГОЛОС ОРЛАНДО. ...Артиллерии огромного броненосца... Другие говорят, что не было никакого сербского террориста и никакой бомбы, просто командование броненосца

намеренно спровоцировало международный конфликт. Есть и еще одна версия, но сообщить ее вам у меня не хватает духу: похоже, что...

85. ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Развороченное нутро парохода заливают вода, топки в котельном отделении погасли.

Несмотря на этот ад, на клубы дыма и языки пламени, охватившего весь корабль, пассажиры "Глории Н." под управлением отважного дирижера Альбертини продолжают петь все с тем же энтузиазмом. В это время на судне идут лихорадочные приготовления к спуску спасательных шлюпок.

Вот одна большая шлюпка постепенно заполняется громко поющими пассажирами.

Маэстро Альбертини все еще дирижирует хором.

Офицер Партексано обращается к поющим со словами:

- Господа, послушайте: спастись еще можно, вы только выполняйте наши приказания!

Под аккомпанемент всего хора шлюпка опускается на воду.

86. КОТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

В затопленном водой котельном отделении из топок вырываются последние языки пламени.

Густой белый пар заполнил все огромное помещение; кочегары, ища спасения, цепляются за мостики и трапы, вертикально уходящие вверх по гладким металлическим переборкам. И даже эти обившиеся в маленькие группки и цепляющиеся

за что попало люди с обнаженными, покрытыми копотью и блестящими от пота телами решительно присоединяются к хору.

87. КОРИДОР ПАССАЖИРСКОЙ ПАЛУБЫ "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Вода захлестывает все судно. Бурный поток несет по коридору пассажирской палубы и заливают его уже до половины дверей, унося чемоданы, шляпные коробки, саквояжи: они плывут, покачиваясь, на поверхности воды.

Плафоны гаснут; судно отдается во власть моря.

88. КАЮТА ГРАФА ДИ БАССАНО. ДЕНЬ

На поверхности воды, затопившей каюту, плавают рамки, фотографии и прочие экспонаты из личного музея молодого романтика - графа ди Бассано; но он не сдаётся и с помощью портативного кинопроектора в последний раз пытается оживить на импровизированном экране божественную Эдмею Тетуа в зените славы.

89. ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ЗАТЕМ ОТКРЫТОЕ МОРЕ. ДЕНЬ

В густом дыму маэстро Альбертини энергично дирижирует хором пассажиров, еще не успевших погрузиться в шлюпки.

И вдруг совсем близко, на охваченном пламенем броненосце, происходит мощный взрыв. Гигантское облако гари заволакивает корабль и шлюпку, в которой находятся

Великий герцог и сербы.

90. ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Над палубой судна разносится кантата, исполненная гнева и гордости.

91. МОРЕ. ДЕНЬ

Окутанную дымом от взрыва шлюпку Великого герцога затягивает в водоворот. Она резко накреняется и уходит под воду вместе с августейшим пассажиром.

Великий герцог в сверкающем шлеме, украшенном султаном перьев, погружается в пучину, выпятив грудь, словно оловянный солдатик.

Броненосец являет собой груды искореженного металла, зловещую и мрачную, как само готовое поглотить ее море.

92. ПАЛУБА "ГЛОРИИ Н.". ДЕНЬ

Кинооператор словно одержимый продолжает крутить ручку своей камеры, чтобы запечатлеть на пленке гибель грозного военного корабля.

Ветер срывает с храбреца шляпу, валит штатив его кинокамеры, но он не сдаётся.

Остальные в отчаянии бросаются к бортам, навстречу...

93. ПАВИЛЬОН N 5 В ЧИНЕЧИТТА. ИСКУССТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

Музыкальная фонограмма

...кинокамере, укрепленной на стреле крана и снимающей всю эту немую сцену.

Пиротехники заполняют черным дымом всю площадку и гигантскую платформу гидравлической установки, управляемой с помощью электронной аппаратуры и имитирующей килевую и бортовую качку; на этой платформе держится вся конструкция

"Глории Н."

Батареи осветительных приборов льют свет на растянутую во всю ширину съемочной площадки синтетическую пленку; ассистенты реквизитора колышут ее, и она сверкает и переливается, как настоящая вода.

Поглощенные своим делом, суетятся звукооператоры, осветители, камермены.

Укрепленные на панорамных тележках кинокамеры ведут съемку одновременно с двух или трех разных точек. Следуют кадры, запечатлевшие ужасную катастрофу "Глории Н.", гибель которой все еще остается предметом репортажа нашего симпатичного журналиста.

ГОЛОС ОРЛАНДО. Итак, я хочу сказать в заключение еще пару слов... Дело в том, что многим из тех, с кем вы здесь познакомились, удалось спастись...

По мере того как Орландо произносит эти слова, кинокамера на тележке постепенно наезжает на большой черный стеклянный глаз стационарного съемочного аппарата, пока не растворяется в наплыве.

Во время этого пассажа пленка утрачивает свои краски и снова вирируется в цвет сепии, как в самом начале. Перед нами опять черно-белые кадры какого-то старого фильма, спасенного от разрушительного действия времени.

94. ПАВИЛЬОН N 5. ОТКРЫТОЕ МОРЕ. ДЕНЬ. ИСКУССТВЕННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

На этих черно-белых кадрах мы снова видим Орландо: журналист в своем шерстяном купальном костюме орудует длинными веслами большой спасательной шлюпки - судя по всему, он намерен побороть стихию и спастись собственными силами...

Но ему еще надо изложить во всех деталях заключительный этап этой истории.

ОРЛАНДО. ...Гидроплан подобрал тех, кто находился в шлюпке "Аврора"... Шлюпка "Звезда Севера" каким-то чудом добралась до Анконы. Что касается вашего покорного слуги, то у меня есть для вас одно важное сообщение...

Он прикрывает рот ковшиком ладони, чтобы его доверительное признание не подслушал находящийся на шлюпке второй пассажир. И кто бы вы думали этот пассажир? Носорог!..

- Оказывается, у носорогов отличное молоко!

Носорог, удобно расположившийся в шлюпке, смотрит на нас незлобивым бессмысленным взглядом, спокойно жуя свой пучок травы.

Орландо весело подмигивает и, хохотнув, вставляет весла в уключины. Затем он принимается усердно грести и очень скоро исчезает за горизонтом широко раскинувшегося пластикового моря.

На протяжении этой немой сцены мы слышим стрекотание старенькой кинокамеры, под аккомпанемент которого идут заключительные титры.